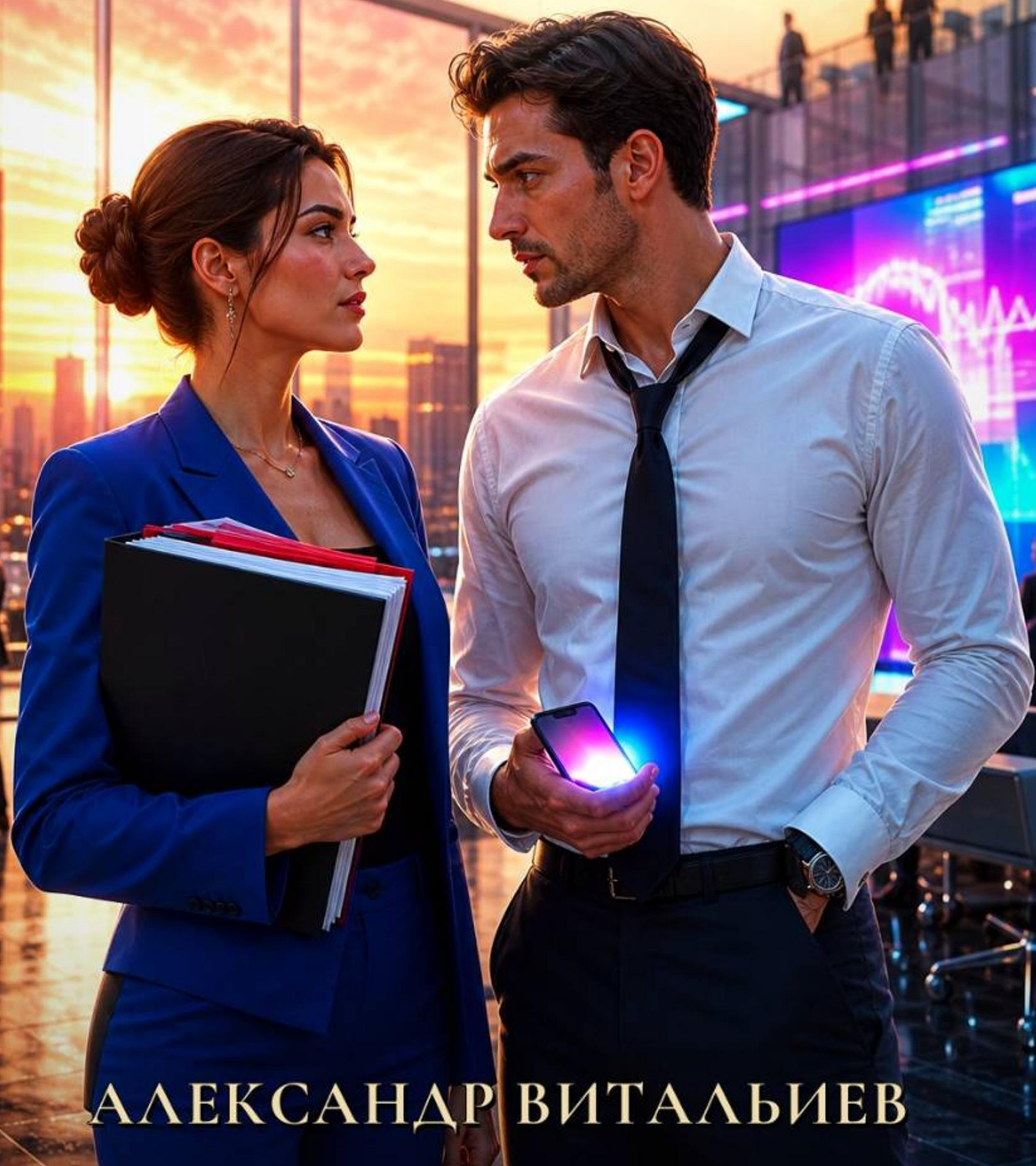

БОСС, В ДОГОВОРЕ НЕ БЫЛО СВАДЬБЫ

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬИЕВ

Александр Витальев

Босс, в договоре не было свадьбы

«Автор»

2026

Витальев А.

Босс, в договоре не было свадьбы / А. Витальев — «Автор», 2026

Вечером меня позвали тушить чужой пожар: технологическая компания Левина текла данными и репутацией, а я умею делать из хама управляемого SEO за один квартал. Утром я поссорилась с самим Макаром в его же кабинете, а к обеду наш крик крутили все новостные каналы. Инвесторы решили, что скандальный босс влюбился, совет директоров потребовал красивую историю, и Макар выложил на стол контракт на три месяца фиктивной помолвки. Я согласилась только потому, что мне нужен полный доступ к отчетам, архивам и серверу — виновник сидит в совете, и без доверия инвесторов я его не вычислю. Свадебный фотограф, общие выходы, кольцо на моей руке — все это по договору, а вот его взгляды, ревность к чужому мужчине в моем телефоне и ночные разговоры у дверей его кабинета контракт не предусмотрел. Чем ближе раунд инвестиций, тем меньше у меня оснований верить, что я для него только PR-проект, и тем больше риск, что чувства сорвут мне собственное расследование. Второй шанс здесь не про воз

Содержание

Глава 1. Спор в прямом эфире	5
Глава 2. Контракт без свадьбы	12
Глава 3. Кольцо для инвесторов	18
Глава 4. Правила помолвки	25
Глава 5. Первый общий ужин	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Витальев

Босс, в договоре не было свадьбы

Глава 1. Спор в прямом эфире

Я положила саквояж на край стола и щелкнула замком. Звук был громкий, почти вызывающий, и это был первый жест в чужом кабинете, который я выбрала сама. До меня здесь пахло чужим кофе и чужой уверенностью: на мониторе белела заставка с логотипом компании, на желтом стикере у монитора чужой круглый почерк просил Дениса скинуть презентацию к десяти, а на коврик для мыши лежала одна рыжая волосинка, длинная, явно женская. Я не стала ее трогать. Я сняла пакет с документами, достала копию контракта кризис-менеджера, копию устава, копию протокола прошлого совета и положила их стопкой ровно посередине стола, чтобы было видно: я пришла работать, а не нравиться.

Стол мне дали на втором этаже, с окном на парковку, потому что кабинет кризис-менеджера не положен по статусу на третьем, где сидит Макар Левин. Я не обиделась. Мне нужен был доступ к серверу, а не вид на бульвар.

Меня пригласили сюда две недели назад, когда инвесторы фонда Михаила Громова пригрозили выйти из раунда. Утечка, о которой писали только деловые каналы, к тому моменту уже ушла в три телеграм-канала и один федеральный сайт. Я тогда сидела дома, у меня на коленях спал Лев в куртке, на столе остывал чай, а телефон показывал вакансию кризис-менеджера в компании, чей основатель однажды бросил меня так тихо, что я узнала об этом из чужого поста.

— Вы нам нужны на три месяца, — сказал мне Макар по видеосвязи, и я смотрела на его скулу и думала, что он даже не заметил, как ровно у него пульс.

— Я приеду, — сказала я, — если в договоре будет право остановить любую сделку.

Он помолчал. Я ждала.

— Будет, — сказал он, — если вы успеете до совета.

Я успела. Я всегда успеваю, это моя работа.

Теперь я сидела в чужом кабинете и перелистывала бумажный журнал доступа к серверной. Толстая кожаная папка с печатью охраны, сорок две страницы, сорок два пропуска за последний месяц. Я водила пальцем по столбцам. Половина имен — сотрудники, половина — гости, у каждого рядом время, номер пропуска, отметка охранника.

На тридцать седьмой странице я остановилась.

В ночь утечки в серверную входил не Илья Воронцов, чей ключ я ожидала увидеть. Входил человек с пропуском гостя, но время стояло служебное, обеденное, и охранник не расписался. Без подписи охранника вход считался техническим обходом, но обход фиксировался отдельной строкой. Строки не было. Я перевернула страницу, проверила еще раз. Не было. Я вытащила телефон и сфотографировала разворот, потом засунула журнал обратно в папку, папку положила в саквояж. Замок снова щелкнул. На этот раз звук был уже не вызывающий, а деловой.

В дверь постучали коротко, два раза, как стучат свои.

— Открыто, — сказала я.

Это был Денис Кравцов. Он зашел без пиджака, в одной рубашке с закатанными рукавами, и поставил на стол бумажный стаканчик с кофе. От кофе пахло горелым зерном, но он был горячий, и я не отодвинула его.

— Вы уже нашли неприятность, — сказал он вместо приветствия.

— Я нашла пропуск без подписи, — сказала я. — В ночь утечки. В серверную заходил кто-то с гостевым пропуском, и охранник не расписался.

Денис сел напротив. У него было лицо человека, который давно хотел сказать это вслух, но не мог.

— Я знаю, — сказал он. — Я видел. Я тогда дежурил.

— Почему молчали?

— Потому что мне не поверят. Я операционный директор, у меня нет полномочий поднимать вопрос перед советом. У вас есть.

Я кивнула. Это была правда, чистая и простая, как сахар на дне стакана.

— Еще кое-что, — сказал Денис. — Макар в курсе, что вы приехали. Он собирался к вам зайти. Я бы на вашем месте закрыл саквояж.

Я уже закрыла. Я отставила кофе, потому что не люблю пить, когда собирается чужой мужчина, даже если этот мужчина когда-то был моим. Я поправила воротник блузки, проверила, не осталось ли на пальцах чернил от копий, и сложила руки на стопке документов, как на столе судьи.

Шаги в коридоре были его. Я узнала их раньше, чем узнала бы лицо: тяжелые, ровные, с той короткой паузой перед дверью, когда человек собирается с мыслями. Эту паузу он делал и раньше, когда входил ко мне в кухню и не знал, что сказать.

Дверь открылась.

Макар Левин стоял на пороге моего временного кабинета в темно-сером пиджаке, с папкой под мышкой, и смотрел на меня так, будто проверял, не подменили ли меня по дороге.

— Виктория, — сказал он.

— Макар, — сказала я.

Мы оба понимали, что имена сейчас лишние. Он вошел, закрыл за собой дверь, положил папку на край стола, и мы остались втроем: я, он и саквояж с журналом, где кто-то без подписи заходил в серверную и забирал мою репутацию.

— У нас сорок минут до совета, — сказал Макар. — Я хочу знать, что вы нашли.

Я посмотрела на Дениса. Денис посмотрел на меня. Я положила ладонь на саквояж.

— Сорок минут, — повторила я. — Этого хватит, если вы перестанете делать вид, что это ваша компания в одиночку.

Он чуть прищурился. Я знала эту складку между бровей. Она означала, что он злится, но понимает, что я права.

— Садитесь, — сказала я, и он сел.

Я открыла папку, которую Макар положил на край стола, не спрашивая разрешения. Внутри лежали две распечатки графика дежурств охраны за последний месяц и копия служебной записки о замене картриджа в принтере финансового отдела. Я положила записку обратно, графики оставила.

— Сначала факты, — сказала я. — В ночь утечки сервер открывали по гостевому пропуску, и охранник не расписался. Это противоречие номер один. Противоречие номер два — график дежурств у вас. Смотрите.

Я развернула график к нему и ткнула пальцем в фамилию. Дежурил человек, который формально был в отпуске. На бумаге стояла подпись старшего смены, но отпускной лист подписан тем же числом и тем же почерком. Я не следовательно, но почерк узнаю.

Макар смотрел на строчку, и я видела, как у него напряглась челюсть. Он понял раньше, чем я сказала вслух.

— Это подделка, — сказал он тихо.

— Это подделка, — подтвердила я. — Вопрос кто.

Денис кашлянул. Мы оба повернулись к нему. Он мял в руках пустой стаканчик из-под кофе, и пальцы у него дрожали.

— Я знаю кто, — сказал Денис. — В ту ночь охранник Сергей Поляков был на смене по приказу Ильи Воронцова. Илья вызвал его лично, мимо графика, и обещал премию за молчание. Сергей рассказал мне вчера, когда узнал, что вы едете. Он боится, что его сделают крайним.

Я выдохнула медленно. Если Илья организовал вход в серверную, то утечка либо его рук дело, либо он подставил кого-то еще, чтобы выйти на сделку с Громовым. В любом случае разговор с Ильей до совета — это ошибка. Любое предупреждение даст ему время замести след.

— Сергей сейчас где? — спросила я.

— Дома, — сказал Денис. — Я отправил его в выходной за свой счет, чтобы он не попал под раздачу.

Я кивнула. Это было правильное решение. Я достала из саквояжа блокнот, вырвала лист и написала три строчки: время, пропуск, дежурный. Лист передала Денису.

— Это я забираю в архив. Если со мной что-то случится до совета, у вас есть копия.

Денис взял лист, сложил, убрал во внутренний карман. Макар смотрел на эту передачу так, словно его отстранили от собственного расследования. Я не стала извиняться. Я не обязана.

— Виктория, — сказал он, и голос у него был тот самый, который он использовал, когда хотел казаться спокойным, но не был. — Это моя компания. Я должен был знать раньше.

— Вы должны были, — согласилась я. — Теперь знаете. У нас двадцать минут до совета, и я предлагаю потратить их на то, чтобы понять, как мы подадим это Илье, не давая ему ни одного шанса отыграть назад.

Он встал, прошел к окну и остановился спиной ко мне. Я видела, как он держит руки в карманах, и знала, что он их сжал в кулаки. Когда-то я любила эту его привычку прятать злость, чтобы она не мешала голосу. Сейчас она меня не трогала.

— Если мы выйдем на совет с обвинением против Воронцова без доказательств, — сказал он, не оборачиваясь, — он обвинит тебя. Ты наемный сотрудник второй день. Тебя даже слушать не станут.

— Поэтому мы не пойдем на совет с обвинением, — сказала я. — Мы пойдем с вопросом. Вопрос о подделке графика. Вопрос о пропуске без подписи. И вопрос, почему финансовый директор лично вызывает охранника в обход регламента. Пусть отвечает. На камеру.

Денис хмыкнул. Макар обернулся. Я впервые за утро увидела в его глазах что-то кроме контроля.

— Ты хочешь снять совет, — сказал он.

— Я хочу, чтобы совет снимали сами, — поправила я. — Я попрошу Софью включить запись по регламенту. Это обычная практика для протокола. Илья не сможет отказаться, потому что отказ будет выглядеть как укрывательство.

Макар подошел к столу и сел напротив меня. Близко. Слишком близко, чтобы это было работой. Я почувствовала его запах — кофе, одеколон и что-то, что я когда-то узнавала даже с закрытыми глазами. Я не отодвинулась.

— Хорошо, — сказал он. — Делай.

Я кивнула, достала телефон и набрала Софью Мельник. Она ответила после первого гудка, тихо и собранно, как будто ждала этого звонка с самого утра.

— Софья, — сказала я. — Мне нужна запись совета. По регламенту, в архив.

— Уже включила, — сказала она. — Доброе утро, Виктория.

Я положила трубку. Макар смотрел на меня так, будто впервые увидел. Может, и впервые. Раньше он видел ту, другую, с которой пил кофе по утрам и спорил из-за посуды. Эта — собирала улики по телефону и не давала ему командовать.

— У тебя пятнадцать минут, — сказал он. — Может, десять.

Я встала, застегнула саквояж, поправила на нем замочек. Замок щелкнул, и я улыбнулась. Коротко, чтобы он заметил.

— Десять мне хватит, — сказала я. — Я ведь кризис-менеджер.

За дверью переговоров пахло чужим одеколоном и холодным кофе из автомата. Я остановилась, потому что каблук зацепился за порожек, и в ту же секунду дверь открылась с моей стороны. Макар стоял слишком близко, и я почувствовала его тепло раньше, чем увидела лицо. Он протянул руку, удержал меня за локоть, не позволяя ни войти, ни отступить. Его пальцы были сухие и теплые, и от этого прикосновения у меня дернулась мысль, которую я сразу задавила.

— Куда? — спросил он.

— К Софье, — сказала я. — У нас одиннадцать минут, и я хочу убедиться, что запись пишется, а не висит для галочки.

Он не отпустил локоть. Я подняла глаза и поняла, что он не собирается. В коридоре было пусто, свет из окна лежал косой полосой на его пиджаке, и я заметила на лацкане слабый отпечаток чужой помады — бледно-розовый, как у Анны Беловой. Я знала этот оттенок. Я знала, как он выглядит на собственной коже, и знала, как он выглядит, когда его не стирают. Я не отвела взгляд.

— Убери руку, — сказала я тихо.

— Ты упадешь, — ответил он.

— Я не упаду.

Он убрал. Я одернула рукав там, где он держал, словно могла стереть его прикосновение движением ткани. Мы пошли по коридору рядом, не касаясь друг друга, и я слышала, как его дыхание становится ровнее, словно он заставлял себя не сорваться. Я тоже заставляла себя не сорваться.

У кабинета Софьи я остановилась, не давая ему войти первым.

— Подожди здесь, — сказала я. — Это не твой разговор.

Он чуть прищурился, но не спорил. Я постучала, вошла и прикрыла за собой дверь. Софья сидела за столом с двумя мониторами, на одном крутилась панель записи переговоров, на другом открыт реестр ключей. Она подняла голову и посмотрела на меня так, словно уже знала, зачем я пришла.

— Запись идет, — сказала она. — С пятьдесят третьей минуты. Я переключила канал на стационарный микрофон, чтобы помехи ушли.

— Мне нужен независимый носитель, — сказала я. — Маленькая флешка, которую никто не видел.

Она открыла ящик стола, достала запечатанную коробочку с маркировкой отдела безопасности и положила передо мной.

— Я отдам ее тебе после совета лично в руки, — сказала она. — Если что-то пойдет не так, ты знаешь, кому звонить.

Я кивнула и сунула коробочку в боковой карман саквояжа, под копию графика. Снаружи Макар ждал, прислонившись к стене, руки в карманах, взгляд в телефон. Когда я вышла, он убрал телефон и пошел рядом, чуть позади, не предлагая руки и не пытаясь взять мою. Это было ново. Я запомнила, потому что новое в нем всегда казалось мне подозрительным.

— Она передала тебе что-то, — сказал он, когда мы свернули к переговорке.

— Она передала мне уверенность, — ответила я. — Этого тебе хватит.

— Виктория.

Я остановилась у двери. Он остановился напротив. Свет лампы над нами был белый и жесткий, и в этом свете я видела, как у него сжалась челюсть. Он хотел сказать что-то про помаду. Я не дала ему шанса.

— Сейчас совет, — сказала я. — Все остальное потом.

— Я не знаю, что было у Анны на лацкане, — сказал он.

— Это твоя проблема, — ответила я и открыла дверь.

Внутри уже сидели Денис, Софья и независимый директор Артемьева. Илья Воронцов вошел через минуту, улыбнулся мне так, словно мы были на благотворительном вечере, и сел напротив, положив руки на стол ладонями вверх. Я села рядом с Макаром, но отодвинула стул на ширину ладони. Этого хватило, чтобы он понял.

Я открыла саквояж, достала график и положила его перед собой, как приглашение к разговору, а не обвинение. Артемьева кивнула мне, как человеку, которого она ждала. Софья включила запись по регламенту, таймер пошел. У нас было одиннадцать минут, чтобы превратить подозрение в вопрос, а вопрос в ответ.

— Коллеги, — сказала я. — У меня один вопрос на сегодня. Кто вызвал охранника Полякова в ночь утечки в обход графика. И кто подписал его подмену. Я готова слушать.

Переговорка была узкая, с матовым стеклом и длинным столом, за которым помещалось ровно столько людей, сколько нужно, чтобы перестать доверять друг другу. Я положила перед собой график дежурств и копию служебной записки, которую мне отдала Софья без подписи. Илья посмотрел на бумаги так, будто они его лично оскорбили.

— Виктория Сергеевна, — сказал он, — мы собрались, чтобы обсуждать операционные вопросы, а не частные расследования.

— Это и есть операционный вопрос, — ответила я. — В ночь утечки охрана менялась дважды, оба раза в обход утвержденного графика. Я хочу услышать, кто это согласовал.

Макар рядом со мной не двигался. Я чувствовала его локоть на расстоянии ладони и не отодвинулась дальше. Артемьева подняла глаза от блокнота и кивнула мне.

— Пусть говорит, — сказала она. — У нас протокольное время.

Я открыла график на нужной странице и положила его так, чтобы всем было видно. Столбики с именами стояли двумя цветами. Цвет отдела безопасности и цвет финансового блока, потому что подмену подписал кто-то из совета.

— Здесь, — сказала я и провела пальцем по строке. — Охранник Поляков должен был заступить в двадцать два тридцать. По факту в двадцать два тридцать в смену вышел человек, которого в графике нет. В два ночи его сменил другой человек, которого тоже нет в графике. Оба раза заявка пришла с ключа финансового директора.

Тишина была короткая и очень тяжелая. Денис, не поднимая глаз, перелистнул свой блокнот. Илья положил руки на стол, как делал всегда, когда хотел казаться спокойным.

— Это техническая ошибка, — сказал он. — Я проверю журнал.

— Журнал я уже проверила, — ответила я. — Я принесла копию, у нее номер и подпись независимого аудитора. Подпись стоит на каждой странице, и на ней дата позже утечки.

Илья не улыбнулся. Это было заметнее, чем его обычная улыбка. Артемьева медленно отложила ручку. Софья у монитора не обернулась, но я видела, как у нее напряглись плечи.

— Что вы предлагаете, Виктория? — спросила Артемьева.

— Я предлагаю зафиксировать факт подмены в протоколе, — сказала я. — И передать материал независимому аудитору до конца дня. Если совет согласен, я выйду и подготовлю запрос.

Илья открыл рот. Макар наконец сдвинулся, положил ладонь на стол рядом с моей ладонью, не касаясь. Жест был такой, что я поняла: он меня поддерживает, но никому не покажет это иначе.

— Согласен, — сказал он.

— Согласен, — эхом сказал Денис.

— Согласна, — сказала Артемьева.

Илья посмотрел на меня, потом на Макара, потом на свои руки. Потом сказал ровно то, чего я ждала и чего боялась.

— Я готов передать ключ под опись, — сказал он. — Но только если Виктория тоже передаст свой.

Дверь зала совещаний закрылась за мной с мягким щелчком, и я на секунду перестала быть человеком, которого только что поддерживали при всех. В висках стучало. Кофе из автомата пах горелым зерном, чужой одеколон смешивался с бумагой и холодным кондиционером, и я поняла, что мне нужны две минуты, чтобы вернуть себе дыхание и план.

Я достала телефон и открыла чат с Софьей. У меня в руках был ключ финансового директора, который я только что торжественно обещала передать независимому аудитору. На деле я еще не отдала его никому. Если я сейчас спрячу ключ в сейф, формально я нарушу слово. Если понесу его вниз, в коридоре меня наверняка ждут.

Я выбрала коридор. Пусть смотрят, как я иду по регламенту.

Лифт пришел почти сразу, с тихим шорохом и запахом металла. На площадке у серверной стоял охранник с бейджем, который я раньше не видела, и парень из айти-отдела с красными от недосыпа глазами. Они посмотрели на меня так, будто я несу бомбу. Возможно, для них это и было так.

Я подошла к Софье, положила ключ на стол и придавила его ладонью, пока он не исчез под чужой рукой.

— Мне нужен акт приема-передачи в трех экземплярах, — сказала я. — Подписи независимого аудитора, моя, ваша. И вписать время до минуты.

Софья кивнула, не удивившись. У нее на щеке розовело пятно от утреннего холодного ветра, и она слишком ровно держала спину.

— Артемьева ждет вас внизу, — добавила она тихо. — Она сказала, что у нее письмо, которое вы захотите увидеть.

Я кивнула и спрятала телефон. Лифт уехал вниз без меня, двери закрылись. Я пошла по лестнице, потому что мне нужно было шевелить ногами, а не думать. На втором пролете я остановилась, переложила саквояж в другую руку и достала из бокового кармана флешку, которую мне отдала Софья перед советом. Она была легче, чем я ожидала, с царапиной на углу и каплей чернил на наклейке. Я не стала включать ее в телефоне, потому что коридорные камеры не любят, когда в них светят экраном.

У двери Артемьевой пахло свежей бумагой и лавандой. Я постучала костяшкой пальца и вошла, не дожидаясь ответа.

Артемьева сидела за столом, закрытым папками, как крепостной стеной. Передо мной она положила один лист, распечатанный на офисном принтере. Это была служебная записка от Ильи Воронцова, адресованная начальнику охраны, с пометкой «срочно» и подписью, которую я видела на графике. В записке он просил заменить Полякова на «проверенного сотрудника». Не на конкретное имя, а на «проверенного». Это было достаточно туманно, чтобы отказать, и достаточно ясно, чтобы понять.

— Откуда это у вас? — спросила я.

— Из архива совета, — ответила она. — Мне его отдал Денис сегодня утром. Он сказал, что вы будете знать, что с ним делать.

Я провела пальцем по строчке. Под подписью Ильи стояла вторая подпись, которую я раньше не замечала. Подпись Макара. Не копия, не факсимиле. Его почерк, с наклоном вправо, с привычной буквой «д» с длинным хвостом. Я знала этот почерк, потому что он однажды подписал мне пропуск в офис на салфетке, когда я забыла документы.

— Он знал, — сказала я вслух.

— Видимо, да, — ответила Артемьева.

Я положила лист на стол и прижала ладонью. Теперь у меня было две бумаги с чужими подписями и одна с подписью Макара. Если я покажу это совету, я сделаю из него подозреваемого. Если спрячу, я сделаю из себя соучастницу.

Артемяева смотрела на меня поверх папок и ждала. За окном кто-то включил кофемашину, и по этажу пополз запах свежего зерна, в этот раз без гари.

Я убрала лист в саквояж, застегнула его и выпрямилась.

— Я покажу это совету, — сказала я. — Но сначала я покажу это ему. Один на один. У него есть право объяснить подпись до того, как я сделаю из нее доказательство.

Артемяева кивнула.

— Добро, — сказала она. — Я дам вам час. Если через час вы не вернетесь, я подниму вопрос сама.

Я вышла из кабинета, прошла по коридору и свернула к лестнице. Мне нужно было подняться на третий этаж и войти к Макару без стука. Мне нужно было посмотреть ему в глаза и спросить, почему он подписал то, что мог подписать только в двух случаях: либо по неосторожности, либо по расчету. Я хотела, чтобы это было первое. Я боялась, что будет второе.

Дверь его кабинета была приоткрыта. Я толкнула ее плечом и вошла.

Он сидел за столом, без пиджака, в одной рубашке с расстегнутым воротом, и смотрел на телефон так, будто экран его обманул. Увидев меня, он медленно положил телефон экраном вниз.

— Виктория, — сказал он, и я услышала, как у него сбилось дыхание.

Я не села. Я положила перед ним копию служебной записки Ильи, распечатанную на офисном принтере, и развернула так, чтобы он видел обе подписи. Он посмотрел на лист, потом на меня, и я впервые за все утро увидела, как у него опустились плечи.

— Я ждал, когда ты придешь, — сказал он тихо. — Я знал, что ты найдешь.

— Ты знал, — повторила я. — И не сказал мне.

— Я не успел, — ответил он. — Илья принес мне эту записку в перерыве между сделками. Сказал, что речь о технической замене картриджа. Я подписал, не глядя.

— Ты подписал документ, в котором охранника выводили из смены в ночь утечки, — сказала я. — Не глядя. Макар, ты хотя бы понимаешь, что это значит?

Он встал из-за стола и подошел ко мне. Не близко, на полшага, но я все равно отступила к двери.

— Я понимаю, — сказал он. — И я готов объяснить это совету сам.

— Нет, — сказала я. — Это я объясню совету. Ты объяснишь мне. Сейчас. И если твое объяснение меня не убедит, я положу эту бумагу в протокол как доказательство.

Он посмотрел мне в глаза, и я увидела в его взгляде то, чего не видела три года. Страх. Не за компанию, не за сделку. За меня.

— Я подписал, потому что доверял Илье, — сказал он. — Потому что у меня не было оснований ему не доверять. Потому что в тот день я считал, что у меня нет времени проверять каждую служебную записку.

— У тебя есть время проверять каждую служебную записку, — сказала я. — Ты просто решил, что не обязан. Это и есть та цена, которую ты заплатишь.

Он не ответил. Я взяла лист со стола, убрала его в саквояж и пошла к двери. У порога я остановилась.

— Совет в двенадцать, — сказала я. — Ты придешь без пиджака и без адвоката. Я приду с этой бумагой и с Артемяевой. Если ты хочешь сохранить мое доверие, ты сам попросишь слова и сам расскажешь, как подписал. Если нет, я расскажу за тебя.

Я вышла, не оглядываясь. В коридоре пахло кофе из автомата и чужим одеколоном, и я поняла, что этот запах теперь будет преследовать меня до вечера. У двери своего кабинета я остановилась и прислонилась к стене. В голове стучало: он подписал. Он знал. Он не сказал. Я закрыла глаза, досчитала до десяти и пошла обратно к Софье за актом приема-передачи ключа. У меня было сорок минут до того, как я снова увижу его лицо, и я хотела провести их так, чтобы это лицо не стало для меня чужим.

Глава 2. Контракт без свадьбы

Ключ от серверной лежал в моем кармане как кусок льда, и я никак не могла согреть его через ткань плаща. Лифт выдохнул меня на восьмом этаже, и свет в коридоре мигнул так, будто здание само не верило, что меня сюда пустили. Я пришла за ключом от кухни — то есть от серверной — в восемь утра понедельника, когда нормальные люди пьют кофе и планируют обед, а не дерутся за право открыть собственную дверь. Договор был подписан в пятницу, но Софья Мельник, управляющая офисом, смотрела на меня так, словно я принесла чужую кредитную карту.

— Подпись есть, — я выложила лист на стойку ресепшена. — Доступ к отчетам, серверу, закрытому архиву. Пункт четвертый, страница шесть.

— Я знаю, что там написано. — Софья поправила очки. — Но ключ один. И он лежит у Дениса Кравцова.

Я почувствовала, как щелкнула мышечная память: человек, который впервые видит дверь, всегда путает ее с дверью соседа. Денис был операционным директором и, по слухам, единственным, кто умел считать деньги, не краснея. Значит, ключ мне даст он. Значит, встреча начнется не с документа, а с мужчины, который умеет ждать.

Шаги за спиной раздались раньше, чем я успела выдохнуть.

— Виктория? — голос Макара Левина прозвучал ровно, как у диктора утренних новостей. — Что ты здесь делаешь в такую рань?

— Работаю, — ответила я и не повернулась. — У тебя в офисе пыль на мониторах и журнал доступа с дырой в четверг.

Он подошел ближе. Запах его парфюма был чужим, с прохладной мятой и сухим деревом, и я отметила это так, как отмечают температуру больного: автоматически, без симпатии.

— Журнал закрыт, — сказал он. — Я подписал отчет.

— Отчет без журнала — это анекдот. — Я повернулась. — Ключ у Кравцова?

— Ключ у меня.

Я выдохнула. Если ключ у CEO, значит, разговор будет короче, но громче.

— Пункт четвертый, — повторила я. — Я имею право входить в серверную в любое рабочее время без сопровождения. Это согласовано с советом.

— Совет согласовал, — согласился он. — Но дверь не открывается по доверенности. Ее открывает человек.

Софья смотрела то на меня, то на него, и я поймала на ее лице тень чего-то, что в другой стране назвали бы злорадством, а здесь — профессиональным любопытством.

— Я не буду просить ключ дважды, — сказала я тише. — Если у тебя есть возражения, оформи их письменно и пришли копию независимому директору. Я буду в переговорке.

— Ты не войдешь туда одна, — сказал он.

— Я наемный кризис-менеджер. Я везде одна.

Он смотрел на меня так, будто я была строкой в его личной таблице рисков, которую он не мог удалить без потери баллов. Потом молча вынул ключ-карту из кармана пиджака и положил на стойку. Пластик был теплый, и я подумала: значит, он сжимал его в кулаке. Значит, ждал меня у лифта. Значит, эта ссора началась не у дверей, а у его стола.

— Только без свидетелей, — сказал он.

— Свидетели — это Денис Кравцов и Софья Мельник, — ответила я. — Без них не откроется даже замок туалета в твоём офисе.

Софья кашлянула. Макар не улыбнулся, но уголок его рта дрогнул — и я поймала это движение как улику, которую потом можно будет предъявить самой себе.

Я взяла карту. Пластик обжег пальцы холодом чужого тела, и я пошла по коридору, не оглядываясь. Дверь серверной была в конце, с матовым стеклом и сломанной ручкой, которую никто не удосужился починить. Я приложила карту к считывателю, и замок пискнул жалобно, как мышь в жестяной банке.

Внутри пахло пылью, горячим пластиком и слегка — чужими духами, словно здесь кто-то долго стоял и думал, что его никто не видит. Я достала телефон и начала снимать журнал доступа с самого первого дня, потому что знала: если в четверг была дыра, значит, в четверг был кто-то. И этот кто-то оставил здесь не только парфюм.

Я фотографировала журнал доступа, когда услышала шаги в коридоре. Не его шаги — короче и суше, каблук по линолеуму, как подпись в конце протокола. Дверь открылась, и в проеме встала Анна Белова с папкой для презентаций и запахом чужих духов, который я уже узнала по серверной: теплый, сладковатый, с нотами амбры.

- Кризис-менеджер уже работает, - сказала она, и это не был вопрос. - У меня совещание через двадцать минут, мне нужен проектор в переговорке.

- Проектор в переговорке номер три, - я не оторвалась от экрана. - Софья знает код.

- Софья на обеде. - Анна сделала шаг внутрь, и дверь за ней закрылась с тихим щелчком, как капкан. - Я подумала, ты не против, если я подожду здесь.

Я медленно опустила телефон и посмотрела на нее. У нее были аккуратные ногти, свежая помада и взгляд человека, который точно знает, зачем пришел. В папке торчала бумажка с логотипом совета директоров — желтый стикер, написанный от руки. Я не умела читать почерк Ильи Воронцова на расстоянии, но желтый цвет означал только одно: финансовый директор пометил документ как срочный.

- Тебе не сюда, - сказала я. - Серверная не место для ожидания.

- А для чего она место? - Анна прислонилась к стойке и сложила руки на папке. - Для тебя одной? Для твоих фотографий?

Она сказала это без улыбки, но и без злости, с той точной вежливостью, которой учат на курсах для директоров по маркетингу. Я почувствовала, как у меня сжались лопатки: не от страха, от неудобства. В серверной было тесно, и два человека здесь всегда означало одно — свидетель, которого не звали.

- Я фотографирую то, что мне разрешил пункт четвертый контракта, - я повернула телефон экраном к ней. - Если хочешь, могу скинуть копию независимому директору.

- Я не про документы, - она качнула головой. - Я про то, что ты закрыла дверь изнутри. У Макара была привычка приходить сюда по утрам. Теперь он стоит в коридоре и не знает, как войти.

- Он знает, - я пожала плечами. - У него есть ключ.

- У него был ключ, - поправила она. - Ты его забрала.

- Ключ-карта на стойке, - я кивнула в сторону двери. - Я верну ее, когда закончу. По регламенту.

Она чуть сузила глаза, и я поняла, что попала. Не в нее — в его расписание. Анна знала, что Макар приходит в серверную каждое утро в восемь тридцать, потому что когда-то была здесь не гостем, а хозяйкой. Теперь хозяйка стояла у стойки с чужой папкой, и мне стало ее жаль ровно на секунду, не больше.

- Слушай, - я сменила тон, потому что в серверной нельзя врать. - Я не отнимаю у тебя ни его, ни утро. Я делаю свою работу. Если ты хочешь поговорить про проект, давай завтра в переговорке. Если про Макара — то не при мне.

- Я пришла за проектором, - сказала она ровно.

- Проектор у Софьи. - Я кивнула на дверь. - Я позвоню, чтобы ее вернули.

Она не двинулась. Тогда я нажала интерком, и через секунду в динамике раздался голос Дениса Кравцова, сухой и точный, как отчет:

- Я в курсе. Софья идет. Анна, подожди в коридоре.

Анна Белова вышла, не сказав ни слова, и папка в ее руках мелькнула желтым стикером, как маленькая метка. Я запомнила этот стикер. Если завтра на совете всплывет документ с такой же пометкой, я буду знать, кто его туда принес.

Дверь закрылась, и в серверной стало тихо, только гудели серверы и пахло чужими духами. Я вернулась к журналу, потому что времени было мало: в десять у меня эфир с инвесторами, в двенадцать - встреча с командой безопасности, а после обеда - первый отчет совету. Я сделала еще три кадра, сверила время выгрузки данных и нашла то, что искала: в четверг в четырнадцать тридцать семь в серверной был вход с устройства, которого не существовало в реестре. Ни имени, ни отдела, ни ключа. Только временной штамп и пустая строка.

Я сфотографировала экран, сохранила файл в зашифрованную папку и достала из сумки блокнот. Синяя ручка оставляла след, который я любила больше, чем экран: его можно было предъявить на бумаге, подписать и приложить к делу. Я записала время, номер устройства и имя оператора связи - то самое, которое мне назвал Денис, когда я только вошла в офис: "Если увидишь пустую строку, не трогай сервер. Скажи мне".

Я сказала ему. Теперь нужно было сказать Макару, и я не была уверена, что он меня услышит. За дверью раздались шаги - на этот раз его, медленные и тяжелые, как у человека, который идет на собственный суд. Я закрыла блокнот, убрала телефон в карман и повернулась к двери.

Когда он вошел, я уже знала, что разговор будет коротким. У него был ключ, у меня - пустая строка, и кто-то из нас двоих сегодня потеряет больше.

Он вошел без стука, как человек, который имеет право не спрашивать. Я успела убрать телефон в карман и закрыть блокнот, но запах чужих духов уже смешался с его одеколоном, и я перестала различать, где Анна, где Макар. Дверь закрылась за его спиной с тем же тихим щелчком, и серверная стала маленькой, как конура.

— Доброе утро, — сказала я и удивилась, как ровно прозвучал голос.

— Виктория. — Он не поздоровался, потому что для него это было не утро, а проверка. Он сделал три шага, остановился у стойки и посмотрел на экран журнала так, будто я его украла. — Ты здесь третий час.

— Я здесь с восьми, — я не отступила. — По регламенту.

— Я знаю регламент. — Он сунул руки в карманы, и я заметила, что на левом запястье у него нет часов. Это была мелочь, но она резала глаз, потому что Макар Левин никогда не выходил без часов. — Ты закрыла дверь изнутри.

— У меня нет ключа от внутреннего замка. Это только карта. Дверь закрывается снаружи.

— Я не про замок. — Он сделал еще шаг, и теперь между нами было меньше метра. Я почувствовала его запах — холодная мята, табак, и под ними что-то усталое, чего я раньше не слышала. — Я про то, что Софья искала тебя двадцать минут. Денис поднял серверную на пульте. У тебя телефон в кармане, и ты не отвечаешь.

Я вынула телефон. Семь неотвеченных: Софья, Денис, неизвестный номер. Я сбросила вызов и повернула экран к нему.

— Я была в режиме съемки документов. Мне не нужны были звонки.

— Мне нужны. — Он сказал это тихо, почти без интонации, и я поняла, что он злится не на меня. Он злится на себя за то, что я ему нужна. — Договор начинается завтра. Сегодня ты гость.

— Сегодня я кризис-менеджер, и мой пункт четвертый вступает в силу с момента подписания, — я убрала телефон. — Совет проголосовал вчера. Ты сам прислал проток.

Он смотрел на меня секунду, может, две. Я не отвела взгляда, потому что отводить его сейчас означало бы признать, что в серверной на двоих есть что-то, кроме работы. Серверы

гудели, пахло горячим пластиком и чужими духами, и я знала, что если отступлю на полшага, его рука случайно окажется у моего плеча, а этого я не могла себе позволить.

— Ты нашла что-то, — сказал он, и это был не вопрос.

— Пустую строку. — Я достала блокнот, открыла на закладке. — Четверг, четырнадцать тридцать семь. Устройство без реестра. Ни имени, ни отдела, ни ключа. Только временной штамп.

Он взял блокнот. Пальцы у него были сухие и теплые, я почувствовала это через бумагу, и почему-то от этого стало хуже.

— Денис знает? — спросил он, не поднимая глаз.

— Денис знает. Софья знает. Михаил Громов не знает, и это правильно.

Он перевернул страницу, потом еще одну, дошел до записи про устройство и остановился. Я видела, как двигаются его желваки. Он считал, я знала что. Считал, кому выгодно пустая строка, у кого в четверг было совещание в три, кто мог пройти мимо охраны с чужим пропуском. Илья Воронцов. Михаил Громов. Анна Белова. Я не называла имена вслух, потому что они и так стояли между нами в этом тесном помещении.

— Это не может быть Воронцов, — сказал он наконец, и я услышала, как он сам не верит в то, что говорит.

— Может, — ответила я. — У него ключ финансового директора. Он открывает финансовый сегмент. В серверную он заходил в обход, и это видно.

— Откуда видно?

— Дубликат ключа, — я кивнула на стойку. — Софья выдала его вчера, когда подписывали соглашение. На дубликате стоит отметка о выдаче. В журнале — пометка о возврате. Время совпадает до минуты.

Он закрыл блокнот и отдал его мне. Пальцы задержались на полсекунды, и я забрала блокнот так, чтобы его рука осталась в воздухе, а моя уже лежала на стойке. Я не была жестокой. Я была осторожной.

— Ты хорошо работаешь, — сказал он, и в его голосе впервые за утро не было команды.

— Я хорошо работаю, потому что мне платят, — я засунула блокнот в сумку. — И потому что мне не все равно.

Он кивнул. Я не поняла, чему именно, но кивок был похож на признание. Потом он сделал шаг назад, и в серверной сразу стало прохладнее, как в комнате, где открыли окно.

— В десять эфир, — сказал он уже от двери. — Я буду в переговорке номер три. Не опаздывай.

— Я никогда не опаздываю, — сказала я его спине, и он, кажется, услышал, потому что чуть повернул голову.

Дверь закрылась. Я осталась одна с серверами, блокнотом и запахом, в котором мята и табак спорили с амброй. Я открыла блокнот, подчеркнула время входа синей ручкой и дописала: «Воронцов — ключ финансового директора. Проверить, кто выписывал пропуск на четырнадцатое».

Потом закрыла, потому что времени было мало, а работы — много.

К десяти я была в переговорке номер три с двумя телефонами и блокнотом. Софья поставила мне стакан воды и молча ушла, а на столе уже лежали распечатки вопросов от инвесторов, присланные Денисом. Я разложила их по степени неудобных, сверху положила самую безобидную и начала читать. К одиннадцати у меня должен был состояться первый эфир с Макаром, и я хотела знать, о чем меня спросят, прежде чем он спросит.

Дверь открылась без стука. Я не обернулась, потому что по шагам уже знала, кто это. Тяжелый, ровный ритм, кожаные подошвы по ламинату. Макар вошел в сером пиджаке, без галстука, с влажными висками - видимо, ехал из другой точки города. Пахло опять его мятой, и

под ней теперь был кофе, а не чужие духи. Я отметила это раньше, чем успела себя остановить, и разозлилась.

— Ты раньше, — сказал он, сел напротив и положил свой ноутбук на стол.

— Я всегда раньше, — я не оторвала глаз от распечатки. — У тебя в одиннадцать звонок с представителем фонда Громова. Михаил подключится по видео.

— Я знаю. — Он посмотрел на мои пометки, потом на меня. — У тебя вопросы от инвесторов.

— Вопросы у меня к тебе, — я подвинула верхний лист к нему. — Кто такой Андрей Сомов и почему его имя фигурирует в трех письмах о финансировании?

Он замолчал. Это было заметно - Макар Левин не замирал, он парировал. Сейчас он замер. Я подняла глаза и поймала его взгляд, в котором мелькнуло что-то, чего я раньше не видела. Не злость. Не вина. Усталость человека, который понял, что его догнали.

— Сомов это бывший партнер Ильи Воронцова, — сказал он ровно. — Они вместе входили в совет три года назад. Потом Сомов вышел.

— Почему вышел?

— Потому что мы пересмотрели условия. — Он положил ладонь на стол, не на мою распечатку, рядом. — Это было до тебя.

— Это было до меня, но имя осталось в переписке, — я перевернула лист. — И теперь Громов задает вопросы по Сомову. Он не дурак. Если фонд увидит связь, раунд остановят.

Он смотрел на меня, и я видела, как он взвешивает. Сказать мне про Сомова больше или закрыть тему. Я ждала, не торопила, потому что знала: торопить Макара Левина - значит получить короткую ложь. Молчание работало лучше. Он выдохнул, потянулся к моему блокноту, но не взял его, а только коснулся обложки кончиками пальцев.

— Сомов хочет войти обратно через Громова, — сказал он. — Илья в курсе. Совет - нет.

— Совет или ты?

— Совет, — повторил он, и это было честно.

Я закрыла блокнот. Это означало, что у меня появился новый факт, и я обязана занести его в журнал до эфира. Но я не могла встать и уйти, потому что через час мы должны были сидеть рядом и улыбаться камере. Я посмотрела на его руку, которая все еще лежала рядом с блокнотом, потом на его лицо. У него дрогнул мускул у рта - он тоже понимал, как это выглядит.

— Спасибо, — сказала я. Не за руку, не за блокнот. За ответ.

Он кивнул, убрал руку и открыл свой ноутбук.

Кофе я допила, хотя он был горький и уже остыл. Блокнот закрыла, сунула в сумку, натянула пиджак и пошла по коридору к переговорной. По дороге считала двери и думала, что если не соберусь сейчас, то соберусь уже перед камерой, а это поздно. Ламинат был гладкий, пятнами от чьей-то сумки, и я обходила их на автомате, потому что так меня научила моя собственная работа: не спотыкаться о мелочи, когда впереди большие.

В переговорке номер три уже стояла камера на штативе, маленький свет на софите и два стула, подвинутых ближе, чем мне хотелось. Я это заметила сразу, но переставлять не стала. Софья оставила на столе салфетки и две бутылки воды без газа. Я выбрала ту, что стояла дальше от его места, открыла свою, сделала глоток и поняла, что у меня пересохло во рту не от жажды.

Денис пришел первым, за ним оператор. Потом вошел Макар, переодетый, как обещал: серая рубашка под пиджаком, без галстука, верхняя пуговица расстегнута. Я посмотрела на его ворот и подумала, что это слишком личное для камеры, но не сказала, потому что сказать сейчас значило привлечь внимание.

Он сел рядом, ближе, чем следовало бы для делового эфира. Я отодвинулась на полладони и почувствовала, как каблук упирается в чужую ножку стула. Пол не выровняли, камера это подчеркнет. Я поправила стул ногой, не глядя, и тогда только посмотрела на него.

— Готов? — спросила я негромко.

— Готов, — он положил руки на стол ладонями вниз. Правая была чуть ближе к моей.

— Тогда начнем.

Оператор включил камеру, индикатор загорелся зеленым, и я выключила в голове все, кроме работы. Первые две минуты вопросы шли по деньгам, по раунду, по условиям. Я отвечала цифрами, он — стратегией. Мы попадали в ритм, камера перестала существовать. На третьей минуте ведущий, который сидел за кадром в наушниках, задал вопрос про личное.

— Виктория, вы сейчас работаете над проектом, который для вашей компании не рядовая история. Удобно ли вам работать с Макаром так близко?

Я почувствовала, как Макар рядом чуть повернул голову, но не к камере, а ко мне. Я не повернула. Я смотрела прямо в объектив и говорила:

— Удобно. У нас понятный контракт и понятные правила.

Он улыбнулся. Не мне, камере. Я тоже улыбнулась, потому что иначе лицо застыло бы в неудобной полуулыбке, и это бы тоже попало в эфир. Я чувствовала его плечо рядом с моим, теплое и плотное, и не могла от него отодвинуться, потому что отодвинуться значило бы упасть со стула.

Через двенадцать минут эфир кончился. Оператор выключил камеру, ведущий снял наушники и поблагодарил нас. Софья забрала бутылки. Я встала, поправила пиджак и не посмотрела на Макара, потому что если бы посмотрела, я бы увидела его лицо после этих двенадцати минут, и мне не нужно было видеть его лицо. Мне нужно было идти работать.

— Виктория, — он позвал меня уже у двери, тихо, по имени.

Я обернулась.

— Спасибо.

— Это работа, — сказала я. — Спасибо не нужно.

Он кивнул, и я вышла в коридор, где пахло кофе и бумагой, и где меня ждал Денис с новой распечаткой. Я забрала ее, открыла на ходу, и моя тень на полу успела вытянуться и убраться, прежде чем я дошла до своего кабинета.

— В одиннадцать, — повторил он. — Я буду в пиджаке.

— Я тоже.

Дверь за ним закрылась, и я осталась одна с распечатками, чужим кофе и собственным пульсом, который сбился и не хотел возвращаться. Я открыла блокнот, записала: «Сомов - Громов - Воронцов. Проверить даты выхода Сомова из совета». Подчеркнула синей ручкой. Потом откинулась на спинку стула и поняла, что если я сейчас не выпью этот чертов кофе, я перестану понимать, где кончается работа и начинается что-то, чего я не подписывала.

Глава 3. Кольцо для инвесторов

Запах чужого парфюма я почувствовала раньше, чем увидела пиджак. Тяжелый, с нотами табака и кожи, на тонкой базе сладкого мускуса, он будто въелся в подкладку. На лацкане остался жирный отпечаток помады, цвет темный, почти бордовый, как у Анны Беловой. Я заметила это, когда Макар поднял руку за проектором в переговорке номер три и на секунду повернулся боком. Не стала спрашивать. Не потому что боялась ответа, а потому что любой ответ он превратил бы в сцену, а у меня в руках была только что подписанная копия журнала доступа и список ключей, который я обязана была передать независимому аудитору до конца дня.

На восьмом этаже гудел вентиляционный короб. Кофе из автомата пах так, будто его варили на прошлой неделе и забыли выключить. Я поставила саквояж на край стола, достала копию журнала, ручку с синей пастой, печать управляющей офисом, и сразу почувствовала спиной, как Софья Мельник смотрит на меня через стеклянную перегородку. Она ждала подпись под актом приема-передачи ключей. Ее взгляд был не злым, просто усталым и точным, как у кассира, который выбивает чек.

Я вышла к ней через коридор. На стене висела памятка по пожарной безопасности, под ней стоял пыльный горшок с сухим фикусом. Софья ждала у ресепшена, держа в руках тонкую папку и пластиковый пакет с биркой. Она передала ключ от серверной и кабинета СЕО, не вскрывая пакет, и я расписалась в журнале передачи.

— Здесь еще ключ от финансового сегмента, — сказала Софья, не поднимая глаз. — Илья обещал передать через независимого аудитора, но попросил отдать вам лично. Я отказала. Он настаивал.

Я положила ключ обратно в пакет, не распечатывая.

— Пусть аудитор распишется. Не я.

Софья кивнула и впервые посмотрела прямо. У нее на шее блеснула тонкая цепочка, а на пальце остался след от обручального кольца, которое она больше не носила. Я знала про развод только потому, что увидела запись в графике отпусков и тихий комментарий в чате охраны. Никто из нас не обсуждал это вслух.

— Виктория, — сказала она. — Если что, я в курсе графика дежурств за прошлую неделю. Там есть пометка.

Я не стала уточнять. Просто кивнула и пошла к серверной. Пакет с ключом остался у нее на столе, запечатанный, с биркой.

В серверной было прохладно и светло. Я подошла к стойке, открыла журнал доступа на нужной странице и сфотографировала пустую строку за четверг, четырнадцать тридцать семь. Время стояло, отдела не было, ключа не было, устройства не было. Только временной штамп и пустое поле для подписи. Я провела пальцем по строчке. Чернила были настоящие, не подделка, просто никто не вписал имя.

В кармане саквояжа лежала запечатанная коробочка с флешкой Софьи, копия служебной записки Ильи с подписью Макара и снимок графика охраны, где кто-то синей ручкой вычеркнул Сергея Полякова из ночной смены. Я вытащила записку, развернула. Подпись Макара была сухой, короткой, без даты, только три буквы. Я поняла, что он не знает, что эта записка у меня, и именно поэтому обязана спросить его об этом до совета.

В этот момент в серверную вошла Анна Белова. Без стука, с папкой, на которой желтел стикер Ильи Воронцова. Она улыбнулась так, будто мы встретились на кухне у кофемашины, а не у чужого стеллажа.

— Виктория, — сказала она, — у вас минута? Мне нужен проектор, а Макар опаздывает. Я не повернулась. Закрала журнал, положила ручку параллельно корешку.

— Проектор в переговорке номер три, — ответила я. — Софья выдаст ключ под подпись. Она не ушла. Встала у дверного проема, чуть сбоку, так, чтобы в коридоре ее видели, и переложила папку из одной руки в другую. Желтый стикер мелькнул еще раз.

— Я слышала, вы считаете долги по совести, — сказала она тише. — Это редкость в нашем бизнесе.

Я посмотрела на нее. На секунду стало ясно, что она имела в виду не совесть компании, а мою готовность прощать или не прощать. Я не ответила. Она вышла, и через секунду через интерком голос Дениса попросил ее вернуться к ресепшену.

Я закрыла серверную, прошла по коридору до переговорки номер три и остановилась у двери. Из-за матового стекла был виден силуэт Макара. Он стоял, положив руку на спинку стула, и говорил по телефону. Я постучала, вошла, не дожидаясь ответа, и положила перед ним копию служебной записки Ильи.

Он посмотрел на подпись, потом на меня.

— Это не я, — сказал он.

— Тогда кто? — спросила я.

Он помолчал.

— Сомов. Бывший партнер Ильи. Хочет вернуться через Громова.

Я села напротив. Между нами лежала записка, как карта минного поля.

— Совет знает?

Он покачал головой.

— Узнает сегодня, — сказал он. — Или ты вынесешь, или он.

Я сложила записку, убрала в саквояж. Запах его парфюма смешался с остатками чужого, и я поняла, что у меня в этой комнате больше нет права молчать.

— Тогда я выношу, — сказала я. — После эфира.

К одиннадцати я должна была сидеть перед камерой и улыбаться так, словно ничего не горит. На стол легла распечатка с таймингом эфира, рядом легли мои пометки синей ручкой: вопрос про утечку, вопрос про раунд, вопрос про команду. Четвертый пункт я подчеркнула дважды и дописала шепотом: «не упоминать Анну». Если уж спасти репутацию компании, то хотя бы не на этой чужой ноте.

Студия была маленькая, на восьмом этаже, через стенку от переговорки номер три. Пахло нагретым пластиком, остывшим кофе и чужим парфюмом, который к утру выветрился, но успел впитаться в обивку стульев. Я проверила звук, попросила ассистента убавить свет, чтобы лицо не блестело, и положила перед собой список тем, за которые могу выходить за рамки.

Макар вошел без стука, в темном пиджаке, с влажными от дождя волосами. Он сел напротив, придвинул стул ближе, чем требовала камера, и кивнул мне. На его запястье я заметила красную полоску от манжета, слишком тугого для публичного выхода. Значит, нервничал, и я это знала не из дружбы, а из опыта: властные люди начинают затягивать воротник именно тогда, когда теряют контроль.

— Готов? — спросила я.

— Нет, — ответил он. — Но давай.

Камера включилась, ведущий поприветствовал зрителей, и через сорок секунд задал вопрос, которого я ждала: «Виктория, вы и Макар Левин. Это рабочий контракт или что-то большее?». Я не улыбнулась, не покраснела, не отшутилась. Я ответила ровно: «Это понятный контракт. В нем нет места домыслам, и в нем есть право вето. Я здесь, чтобы компания вышла из кризиса, а не чтобы играть роль». Макар чуть прищурился. Я не посмотрела на него.

Через двенадцать минут эфир закончился, в чате поднялись котировки, и ассистент выдохнул так, будто сдавал экзамен. Я сняла петличку, убрала пометки в саквояж, и в этот момент Макар положил ладонь на стол, очень близко к моей руке. Не коснулся. Просто положил.

— Спасибо, — сказал он.

— Это работа, — ответила я.

— Я сказал дважды за утро, — заметил он тише. — Это редкость.

Я посмотрела на его ладонь. Она была теплой, сухой, с коротко стриженными ногтями. Я подняла саквояж, встала, и его рука осталась лежать на пустом столе.

В коридоре меня ждала Софья с ключом финансового директора в бирке и тонкой папкой, в которой лежал акт приема-передачи. Я расписалась, проверила номер ключа, поставила время. Ключ ушел к независимому аудитору, акт остался у меня.

— Илья звонил трижды, — сказала Софья. — Хочет встретиться до совета.

— Пусть ждет, — ответила я. — Совет через час.

Она кивнула и добавила тише:

— Анна заходила в переговорку номер три, пока шла запись эфира. Ее не было в графике посещений.

Я замерла. Анна была в коридоре рядом со студией, когда камера работала. Если она слышала вопрос про нас, она знала, что я не стану ее защищать. Если она видела, как Макар положил ладонь рядом с моей рукой, она знала, что между нами что-то меняется. Любой из этих выводов мог оказаться в нужном канале уже к вечеру.

— Спасибо, — сказала я. — Запиши это, пожалуйста, в журнал посещений. С указанием минуты.

Софья кивнула. Я пошла к переговорке номер три, по дороге открыла саквояж, вытащила запечатанную коробочку с флешкой Софьи и положила в боковой карман пиджака. Если совет пойдет не по сценарию, у меня будет независимая запись, которую никто не подделает. Если все пойдет по плану, я верну коробочку и скажу спасибо.

В переговорке уже сидели Илья, Денис, Анна и независимый директор. Макар стоял у окна. Когда я вошла, он повернулся и не поздоровался. Просто посмотрела на меня, и я поняла, что он тоже знает про Анну и ждал, замечу ли я это сама. Заметила. Молча села напротив Ильи и положила на стол копию служебной записки.

— Совет начинается, — сказала я.

Записка легла на стол между мной и Ильей, как разделительная полоса. Я видела, как он потянулся к ней, но не позволила. Прижала ладонью.

— Не трогайте оригинал, — сказала я. — Это копия. Оригинал у независимого аудитора.

Илья отдернул руку, лицо его стало тем тонким, каким бывает у людей, привыкших проигрывать только на публику.

— Это внутренняя переписка, — сказал он. — Незачем выносить.

— Я выношу, потому что вы не вынесли, — ответила я.

Денис кашлянул, открыл блокнот. Анна смотрела в стол, но я заметила, как побелели костяшки ее пальцев на ручке сумки. Независимый директор, пожилой человек с усталыми глазами, попросил тишины и поправил очки.

Макар не сел. Он стоял у окна, и я чувствовала его взгляд на своей руке, все еще прижимающей бумагу. Не знаю, чего он хотел больше: чтобы я убрала ладонь или чтобы записка осталась под ней до конца совета.

Я убрала руку. Записка осталась.

— Илья Воронцов, — сказала я. — Двенадцатого сентября в обход графика охраны вызвали Сергея Полякова на пост номер два. Смену отменили без уведомления оперативного директора. Четырнадцатого сентября в четырнадцать тридцать семь в серверной зафиксирован вход устройства без идентификации. Дубликат вашего ключа совпадает с замком серверной. Объясните совету.

Тишина была короткой, но плотной. Илья положил обе руки на стол, как будто показывал, что они пусты.

— Я менял смены по просьбе оперативного отдела, — сказал он. — Это не запрещено регламентом.

— В обход Кравцова, — вставил Денис, не поднимая головы.

— Поляков подтвердит, — добавил Денис. — Его отправили в выходной за мой счет, чтобы он не видел того, что увидел.

Илья сжал челюсть. Анна чуть качнула головой, и этот жест я запомнила отдельно: не защита, не удивление, а молчаливое «вы все еще здесь».

Независимый директор попросил оригинал записки. Я вынула копию из саквояжа, положила перед ним. Он прочитал, медленно, как будто учил наизусть, и поднял глаза на Макара.

— Макар Левин, ваша подпись стоит под разрешением на замену смены. Вы знали, что она служит прикрытием?

Макар не ответил сразу. Он подошел к столу, наклонился, взял записку двумя пальцами. Я увидела, как дрогнула его рука — мелко, едва заметно, но я уже знала, как выглядит его неуверенность.

— Я подписал, — сказал он. — Не знал зачем. Илья сказал, что это плановая ротация.

— Без уведомления Кравцова, — повторил Денис.

— Без, — согласился Макар.

Он положил записку обратно, выпрямился и посмотрел на меня. Не на совет, не на независимого директора. На меня. Как будто проверял, готова ли я услышать следующее.

— Виктория, — сказал он. — У меня конфликт интересов. Сомов — бывший партнер Илья. Он хочет вернуться через Громова. Илья в курсе. Совет — нет. Я должен был сообщить и не сообщил.

Переговорка стала меньше. Я слышала, как тикают часы над дверью, как шуршит бумага под пальцами независимого директора, как Анна втянула воздух, когда Макар произнес имя Сомова.

— Это меняет раунд, — сказала я. — Если Громов узнает, что совет не знал о возвращении Сомова, он выйдет из сделки. Если совет узнает, что вы скрывали, он заблокирует ваш голос. У вас обоих нет права молчать.

Я достала из бокового кармана пиджака запечатанную коробочку с флешкой Софьи и положила перед независимым директором.

— Независимая запись совета, — сказала я. — Если кто-то решит переписать протокол, у нас будет копия.

Независимый директор взял коробочку, повертел в пальцах, кивнул. Я не смотрела на Макара, но чувствовала его взгляд — тяжелый, как ладонь на столе во время эфира.

Илья встал.

— Я требую перерыва, — сказал он.

— Сядьте, — ответил Денис. — Смена охранника нарушила регламент. Перерыв не положен.

Илья сел. Анна положила ручку на стол, как будто собиралась что-то подписать, но не подписала. Я видела, что она считает секунды до конца заседания.

— Решение, — сказал независимый директор. — Илья Воронцов отстраняется от финансового сегмента до окончания проверки. Ключ передан независимому аудитору сегодня. Голосование по раунду переносится на сорок восемь часов. Макар Левин уведомляет совет о конфликте интересов в письменной форме до конца дня.

Я кивнула. Записка осталась лежать на столе, как доказательство того, что я не дала ее убрать. Макар смотрел в окно. Дождь за стеклом был мелкий, холодный, похожий на парфюм Анны — чужой, сладкий и слишком близко.

— Совет окончен, — сказала я и первой вышла из переговорки.

За дверью переговорки пахло мокрой шерстью и остывшим кофе из автомата. Я остановилась у стены, чтобы не идти сразу к лифту, и пересчитала в голове три пункта: ключ у аудитора, заседание перенесено, Макар признал конфликт. Пальцы сами нашли боковой карман, где коробочка с флешкой теперь отсутствовала. Пустота была правильной — независимая запись осталась не у меня.

— Виктория.

Я обернулась. Макар стоял в двух шагах, руки в карманах, без пиджака, рукав рубашки закатаны по локоть. Пахло от него табаком и утренним сквозняком с улицы, который он принес вместе с собой через служебный выход. Я не сразу поняла, чего он ждет: извинений, приказа или просто моего взгляда.

— У вас конфликт интересов, — сказала я. — Я передала запись независимому директору. Совет под протоколом. Ваш голос заблокирован, пока не уведомите совет письменно.

Он кивнул. Не быстро, не покорно, а так, как кивают, когда соглашаются с тем, что уже приняли без меня.

— Спасибо, — сказал он.

— За что?

— За то, что не дала Илье убрать записку.

Я не ответила. Мне было не за что благодарить, я делала свою работу. Мы стояли в коридоре восьмого этажа, и через стеклянную стену было видно, как Денис и Анна выходят из переговорки: она впереди, он за ней, оба молча, не глядя друг на друга. У Анны на запястье поблескивал браслет, слишком тонкий для деловой встречи.

— Мне нужны двадцать минут, — сказала я. — Без камер, без Софьи, без советников. Я должна зафиксировать состояние серверной до возвращения инженеров.

— Я провожу.

Я ожидала отказа, поэтому не сразу нашла слова. Он прочел это и добавил тише:

— Не как СЕО. Как свидетель. Если потом спросят, кто входил после совета, у вас будет подпись.

Мы пошли к серверной. По пути я открыла телефон, сфотографировала пломбу на двери — ту самую, которую при мне ставил Денис два часа назад — и записала голосовое сообщение Софье с временем и просьбой подтвердить номер пломбы. Софья ответила коротким «принято». В коридоре было прохладно, пахло остывшим пластиком и тем специфическим казенным светом, который не греет.

В серверной гудели вентиляторы. Я проверила журнал: новых строк не появилось, старая пустая запись в четырнадцать тридцать семь так и осталась единственной аномалией. На желтом стикере, оставленном Денисом на стойке, кто-то успел поставить свежую дату. Я сфотографировала и стикер.

— Кто-то был здесь, — сказала я. — После совета.

Макар подошел ближе. Я услышала, как он остановился на полшага позади, и почувствовала, как его дыхание шевельнуло короткую прядь у виска. Не оборачиваясь, я отметила это как работу, не как близость.

— Софья вернулась с обеда в одиннадцать двадцать, — сказала я. — До нее никого не должно быть. Журнал подтверждает. Значит, кто-то вошел до одиннадцати двадцати, остался внутри и вышел мимо камеры.

— Или журнал врут, — сказал Макар.

Я повернулась. Он стоял близко, на расстоянии вытянутой руки, и смотрел не на меня, а на желтый стикер. На стикере его подпись — короткая, в две буквы — стояла под моей, как будто мы расписались на одной строке.

— Журнал не врут, — сказала я. — Их подделывают. А это значит, что утечка шла через человека, который может убрать строку и оставить чистую.

Он посмотрел на меня, и я увидела в его глазах ту самую усталость, которую он прятал за жесткой линией рта весь день.

— Илья не мог зайти один, — сказал он. — Ему нужен был код.

— Код у Громова, — ответила я. — Вы сами это сказали совету. Значит, либо Илья получил код через свою сеть, либо код утечки был где-то еще.

Мы замолчали. Вентиляторы гудели, свет мигал, на полу у моей ноги лежал рыжий волос, который я не убрала утром. Я сделала фото волоса и стикера вместе, чтобы зафиксировать масштаб.

— Виктория, — сказал Макар. — Если Илья выйдет из совета, раунд сорвется. Если останется, утечка повторится. Я не могу выбрать одно без вас.

— Вы уже выбрали, — сказала я. — На совете. Вы сказали правду, и теперь мы оба знаем цену.

В Софьиной приемной пахло холодным чаем и бумагой. Я положила саквояж на стойку и попросила бланк акта осмотра. Софья молча протянула лист, не поднимая глаз от монитора, и я впервые увидела, что у нее дрожит ресница. Не от страха. От усталости человека, который держит чужой хаос изнутри.

— Допрашивать Полякова пойдете сами? — спросила она.

— Сама. Вы остаетесь здесь. Если Илья спросит обо мне, скажите, что я ушла к независимому аудитору по ключу. Ни слова лишнего.

Она кивнула, и я вышла на служебную лестницу, где пахло сырой штукатуркой и подсохшей краской после ночного ремонта этажа. Поляков ждал меня у поста охраны внизу, в маленькой комнате без окон, где обычно курят. На столе стоял пустой пластиковый стаканчик из автомата, рядом лежала смятая пачка «Парламента». Он сидел ровно, руки на коленях, смотрел в одну точку.

— Сергей, — сказала я, закрывая дверь. — Мне нужны имена и время. Кто вызвал вас в обход графика в четверг, после обеда. Не «не помню», а конкретно.

Он молчал, и я поняла, что ему страшно. Не мне, а за себя. Я села напротив, положила перед ним чистый лист и синюю ручку.

— Если вы напишете сейчас, это уйдет независимому директору. Не Илье, не Макару, не Громову. Совету. Ваша подпись — ваша страховка.

Он взял ручку, и я впервые увидела, как его пальцы разжались и сжались снова, словно он здоровался с собственной смелостью. Через четыре минуты на листе было имя: Илья Воронцов. Время: четырнадцать двадцать пять. Повод: «проверить камеры в серверной». Поляков подписал, поставил дату и номер смены. Я сфотографировала лист, отдала ему копию, оригинал убрала в саквояж.

— Спасибо, Сергей. Сегодня вы не работаете. Завтра — по графику. Никому ни слова, что мы говорили.

Он кивнул, и я увидела в его глазах что-то похожее на облегчение человека, который перестал держать чужую тайну. Я вышла, поднялась на восьмой этаж другим маршрутом и зашла в переговорку номер три, где меня уже ждал независимый аудитор — немолодая женщина в сером пиджаке, с планшетом и печатью в боковом кармане.

— Показания охранника, — сказала я, кладя перед ней лист. — Ключ финансового директора передается под опись сегодня, как решил совет. Подпись, печать, время.

Она приняла лист, сверила паспортные данные Полякова и поставила печать. Ключ Ильи Воронцова перешел в металлический ящичек с номером, и я услышала, как замок щелкнул — коротко, окончательно, как подпись под чужим приговором. Аудитор выдала мне копию акта приема-передачи, и я впервые за день выдохнула полной грудью.

Телефон завибрировал в сумке. На экране — имя Макара.

— Виктория, — сказал он, и я услышала, как где-то за его спиной закрывается дверь. — Илья пытался выйти из здания через парковку. Охрана его задержала. Мне нужен совет.

— Пусть подождет в переговорке два, — ответила я. — Дверь на ключ, без телефона. Я иду.

Я убрала телефон, посмотрела на часы — без четверти семь, свет за окнами догорал в мокром асфальте — и пошла к лифту, прижимая к себе саквояж с новым актом. Ключ финансового директора больше не открывал финансовый сегмент, охранник дал показания, совет ждал проявления воли. Я знала, что Илья будет молчать. Я знала, что Анна уже набирает сообщение в чате. Но впервые за день я шла не на спор, а на допрос, и это было почти как свобода.

Он кивнул, медленно, и в этом кивке было больше, чем он сказал вслух. Я подняла саквояж с пола, где он стоял с момента фотосессии, и пошла к двери. У порога обернулась.

— Свидание, — сказала я. — Не переговоры.

Он не ответил. Но я видела, как его пальцы сжались в кармане — раз, другой — и разжались. Я вышла, закрыла дверь и пошла к Софье писать акт осмотра. До конца дня оставалось два часа, и за эти два часа нужно было успеть собрать независимую запись, допросить охранника и сохранить себе право решать дальше самой.

Глава 4. Правила помолвки

Столовую я выбрала сама. В обеденный перерыв, когда половина сотрудников еще спускалась в лифте, я расставила на длинном столе боксы с салфетками, антисептик и упаковку марли. Софья принесла аптечку и жестяной лоток для инструментов, Денис помог сдвинуть стулья, чтобы проход к раковине оставался свободным. Я включила свет над столом поярче и закатала рукава блузки до локтей. Макар смотрел на это из дверного проема, пока я не кивнула ему на стул у стены.

— Ты в этом участвуешь. Не как зритель.

К обеду стало тесно. Анна Белова пришла первой с папкой для правок и остановилась у окна, делая вид, что ждет проектор. Я подвинула ей стул.

— Садитесь. Вы мне понадобятся.

Она села, не снимая пальто. Ее духи, резкие, с нотой табака и медового дыма, обдавали меня, когда я наклонялась к раковине.

Первой пришла стажерка с обожженным пальцем: зацепила кипятком чайник на этаже. Я промыла ей руку под холодной водой, осмотрела кожу. Покраснение было ровным, без пузырей.

— Марля, фиксирующая повязка, через час снять. Не мажьте маслом, оно удержит тепло.

Софья записывала время и имя в журнал у входа. Макар наклонился над ее плечом и что-то спросил. Она ответила тихо, кивнув на мою блузку с закатанными рукавами.

Второй случай оказался сложнее. Охранник Сергей Поляков вернулся из выходного, который ему оплатил Денис, и принес с собой порез на предплечье: глубокий, с рваными краями. Он замаялся, не зная, куда деть руку.

— Вчера зацепился, — сказал он. — На даче.

Я посмотрела на Дениса. Тот чуть качнул головой, и я вспомнила, как отправляла Сергея за свой счет и почему именно. Я натянула перчатки, обработала рану хлоргексидином. Сергей зашипел, но не отстранился.

— Кто и зачем вызвал вас в обход графика в четверг?

Он промолчал. Я промокнула края марлей, зафиксировала бинт пластырем, не поднимая глаз.

— Я не спрашиваю ради сплетен. У вас рваный край. Такой получается, когда тянут через заусенец или снимают что-то с панели быстро. В офисе так не порежешься.

Сергей посмотрел на Илью Воронцова, который сидел через два стула от Анны и смотрел в телефон. Потом перевел взгляд на меня.

— Илья Сергеевич попросил подменить дежурного в четверг. Сказал, что ему нужно в серверную по личному вопросу.

Илья поднял голову, усмехнулся.

— Не припоминаю. Может, перепутали смены?

— У меня есть график, — сказал Денис. — И подпись под заявкой.

Я сняла перчатки, положила их в лоток, подвинула к Сергею блокнот.

— Напишите дату, время и кто просил. Просто факты. Макар потом подпишет, что вы дали показания добровольно.

Сергей взял ручку. Его пальцы дрожали, когда он выводил имя. Илья на мгновение перестал улыбаться.

Анна встала, папка хрустнула в ее руках.

— Виктория Сергеевна, можно вас на минуту? У меня вопросы по новой политике безопасности.

Я не двинулась с места.

— Говорите при всех.

— Это деликатно.

— У нас общий обед. Здесь все деликатно и все видят.

Она села обратно, без улыбки. Макар поднялся, подошел ко мне и встал так, чтобы закрыть собой раковину. Запах кофе и холодного хлопка смешался с духами Анны.

— Спасибо, — сказал он тихо. — Я не знал, что ты умеешь зашивать.

— Я умею многое. И совет использует это, чтобы давить дальше. Они скажут, что я теперь лекарь компании, а не кризис-менеджер.

— Пусть скажут.

Сергей дописал и отложил ручку. Илья впервые за день смотрел не в телефон. В его взгляде появилось не злость, а расчет. Обед перестал быть просто обедом.

Я промокнула стол салфеткой и сложила боксы обратно в саквояж.

Столовую я убирала молча. Саквояж стоял у моего стула, я складывала марлю в полиэтилен, потом подобрала с пола упавшую упаковку пластыря. Софья протирала стол, Денис относил лоток к раковине. Анна ушла первой, придерживая дверь, чтобы я заметила: ждала, что я окликну. Я не окликнула. Илья вышел за ней, не обернувшись, его ботинки гулко стукнули по кафелю.

Сергей сидел на краю стула. Блокнот лежал перед ним закрытый, ручка рядом. Я подошла, надела свежие перчатки и присела рядом, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Денис оплатит вам завтра смену, — сказала я. — За вчерашний выходной деньги уже упали на карту, я проверила. Если спросят, почему вернулись в обед, скажете, что помогли мне с перевязкой. Это правда.

Сергей кивнул, хотел что-то добавить, но передумал.

— Уходите через черный ход. Там Софья, она подтвердит, что вы ушли по делу.

Он встал, прижал руку к перевязанному предплечью и пошел к двери. Макар не двинулся с места. Я повесила полотенце на крючок, подняла лоток и слила остатки хлоргексидина в раковину.

Денис стоял рядом, сушил руки бумажным полотенцем.

— Блокнот отдашь мне, — сказала я.

— Он сам подписал.

— Подпись подтвердит совет, а мне нужен черновик. Отдай.

Денис отдал блокнот. Я сунула его в боковой карман саквояжа, поверх флешки Софьи. Пальцы коснулись пластика, по запястью прошел холодок. У меня в сумке лежали два независимых куса правды, и оба могли сгореть, если я ошибусь.

Макар подошел ближе. Я почувствовала его раньше, чем увидела: кофе и холодный хлопок смешались с запахом больничного мыла.

— Совет соберется в три, — сказал он. — Формальная повестка: утечка и новые правила безопасности. Неформальная: ты.

— Знаю.

— Илья попросил слова первым. Хочет вынести благодарность поликлинике и заодно выставить тебя как человека, который занимается не тем.

Я выключила воду и вытерла руки. Потом посмотрела на Макара снизу вверх: он стоял слишком близко.

— Пусть выносит. У меня график Сергея и твоя подпись на записке о замене охранника. Совет увидит, что я лечу не только порезы.

— Ты отдашь блокнот на совет?

— Нет. Через час отдам независимому аудитору. Совет получит копию, заверенную аудитором, а не моими руками. Так ни ты, ни я не сможем сказать, что подделали показания.

Макар чуть качнул головой, соглашаясь без слов. От этого он казался честнее.

— Сомов звонил Громову полчаса назад, — сказал он. — Мне сообщили из приемной. У Громова совещание по новому раунду, Сомов в повестке не значится.

Я замерла с полотенцем в руке.

— Анна знает?

— Анна обедала с Громовым в прошлую пятницу. Я узнал вчера.

Я посмотрела на дверь, за которой исчезла Анна. Потом на свои руки в перчатках. Потом на Макара.

— Это меняет контракт. Если твоя бывшая обедает с инвестором, который может войти в совет через Сомова, совет захочет знать, что она передала.

— Ничего не передала.

— Я тебе верю. Совету придется доказать.

Я сняла перчатки, бросила их в лоток, открыла саквояж и набрала Софью. Она ответила сразу.

— Мне нужен список обедов Анны Беловой за последний месяц. Только рестораны и кто оплачивал. Если платил Громов, ставь пометку.

— У меня нет доступа к ее календарю.

— У тебя есть доступ к корпоративной карте. Сделай выгрузку, я подпишу запрос.

— Сделаю.

Я положила телефон и встретила взгляд Макара. Он стоял близко, и я чувствовала его дыхание у виска.

— Спасибо, — сказал он второй раз за утро.

— Это работа.

— Нет. Это больше, чем работа.

Я подняла саквояж и пошла к двери. У самого выхода обернулась: Макар все еще стоял у раковины, и на его лацкане я заметила мелкую рыжую нитку, от шва на мужском пиджаке. Не волос. Я не стала говорить. Пусть совет увидит сам.

Коридор восьмого этажа пах остывшим кофе и мокрой штукатуркой от лифта. Я шла быстро, саквояж бил по бедру, и я впервые не подгоняла шаг. Пусть слышат.

У двери переговорки номер три меня ждал Денис. Он привалился к стене и мямлил в руках пустой стаканчик. Бумажный, с пятном от губы. Не его: помада была слишком яркая.

— Где взял?

— Анна забыла на подоконнике, когда выходила из серверной.

Я взяла стаканчик за донышко, посмотрела на отпечаток. Помада цвета спелая вишня, густая, с мелким заусенцем по контуру.

— Упакуй в пакет, — сказала я. — Подпиши, что нашел, где и когда.

— Уже.

Он достал из кармана зип-пакет, сунул стаканчик внутрь и протянул мне вместе с запиской. Почерк Дениса, его ручка, его подпись. Я сунула пакет в боковой карман саквояжа, поверх блокнота Сергея и флешки Софьи. Три независимых куска, каждый требовал отдельной подписи.

Дверь переговорки открылась с глухим щелчком. Внутри уже сидели трое: Илья Воронцов, Михаил Громов и независимый директор Артемьева. Я замерла на пороге.

Громова быть здесь не должно. Его приглашал только совет по вопросам раунда, а вопросы утечки совет обычно не выносил на внешних. Я посмотрела на Макара. Он стоял у окна и не оборачивался. Плечи ровные, руки в карманах. Он знал и не предупредил.

— Добрый день.

Илья поднял голову первым.

— Виктория, мы ждали вас с Макаром. Садитесь.

Я не села. Поставила саквояж на стул рядом с собой, открыла замок и достала блокнот Сергея, не вытащив из пакета.

— Прежде чем мы начнем, я попрошу независимого аудитора подтвердить подлинность показаний охранника. Пока подтверждения нет, передам совету только копию.

Артемьева кивнула. У нее были тяжелые очки и блокнот в клетку, в котором она уже подчеркнула что-то синей ручкой. Илья откинулся на стуле и сложил руки на груди.

— Это формальность. Мы доверяем вашему методу.

— Совет доверяет методу. Вы — человек с конфликтом интересов.

Я села. Макар наконец обернулся от окна и прошел к своему месту во главе стола. Его ботинок на секунду задел ножку стула, глухой стук. Громов сидел с краю, с прямой спиной и без улыбки. Перед ним лежала тонкая папка, которую я у него раньше не видела.

— Повестка, — сказала Артемьева, открывая протокол. — Пункт первый: утечка данных и ход расследования. Пункт второй: новые правила безопасности. Пункт третий: дополнительные кандидаты в совет.

Громов кашлянул. Илья посмотрел на него и тут же отвел глаза. Я поймала этот взгляд: Илья не контролирует Громова, он его боится. Это было важно.

— По первому пункту, — сказала я. — За последние сутки я получила показания охранника, подтвердила замену дежурного по приказу финансового директора и нашла в серверной пустую строку устройства без указания ключа. Разбирательство требует времени.

— Сколько? — спросила Артемьева.

— Три рабочих дня. К пятнице у совета будет документ с подписью аудитора.

— Мы не можем ждать, — сказал Громов. — Раунд закрывается в четверг.

— Раунд может подождать, пока компания не утонет в собственной утечке. Или вы хотите вложить деньги в дырявое судно?

Макар впервые за утро посмотрел на меня прямо. В его взгляде я увидела что-то похожее на одобрение, и от этого мне стало холоднее.

— Виктория права, — сказал он. — Три дня.

Илья побарабанил пальцами по столу.

— Тогда по третьему пункту. У нас есть кандидат. Михаил Аркадьевич Громов рассматривает возможность войти в совет независимым директором. Это ускорит раунд и снимет вопросы о новых правилах безопасности.

Громов в совет, через три дня, в момент, когда я только начала распутывать утечку. Это не совпадение.

— Этот вопрос решается голосованием, — сказала Артемьева. — И в нем не участвует кандидат.

— Разумеется, — сказал Громов. — Просто обозначаю интерес.

Он положил папку на стол и развернул к Артемьевой. Я не видела содержимого, но увидела, как напряглись пальцы Ильи.

— Простите, — сказала я. — Михаил Аркадьевич, вы обедали с Анной Беловой в прошлую пятницу. О чем?

Тишина легла на стол как мокрая тряпка. Громов посмотрел на Илью, потом на Макара. Макар не двигался.

— О маркетинге, — сказал Громов. — И немного о вашем контракте.

— О моем контракте?

— О том, как PR-служба планирует подавать историю с помолвкой.

— Я не знала, что инвестор интересуется пиаром, — сказала я. — Это не ваш профиль.

— Я инвестирую в людей. И мне важно понимать, кто эти люди.

Я открыла саквояж, достала телефон и положила его экраном вниз на стол.

— У меня есть выгрузка по корпоративной карте. Анна Белова обедала с вами за счет компании. Если вы войдете в совет, совет захочет знать, обсуждались ли там условия вашего входа.

Илья впервые за день побледнел. Громов сложил папку обратно и убрал руки под стол. Артемьева медленно подняла глаза от блокнота.

— Это серьезное обвинение, — сказала она.

— Это факт. Не обвинение.

Макар наконец сел. Стул скрипнул по паркету, и этот звук был громче всех слов.

— Совет голосует по третьему пункту в пятницу, — сказал он. — После аудита. Михаил Аркадьевич, я ценю ваш интерес. Но компания сначала должна ответить на вопросы, которые задаст аудитор. Ответ получите в пятницу.

Громов кивнул и вышел. Илья проводил его взглядом и встал.

— Я подожду в коридоре.

— Нет, — ответила я. — Вы останетесь. У меня есть вопрос о замене охранника.

Он сел. Руки у него дрожали.

Я не стала давать ему времени на сценарий. Вытащила из саквояжа блокнот Сергея, положила перед Ильей и прижала ладонью.

— Откройте страницу двенадцать. Там подпись дежурного и время, когда вы вызвали его в обход графика.

Он не двинулся. Артемьева молча подвинула блокнот к себе и раскрыла. Синяя ручка скользнула по строчке, оставляя короткую вертикаль у фамилии охранника. Я ждала, пока она прочтет, и не отводила глаз от рук Ильи.

— Подпись ваша, — сказала я. — Время совпадает с пустой строкой в журнале серверной. В четверг, четырнадцать тридцать семь, вы должны были быть на совещании у инвестора. Где вы были на самом деле?

Илья впервые посмотрел мне в глаза без улыбки.

— На встрече с представителем фонда. Громов привез своего человека, я должен был его встретить.

— На встрече с представителем фонда. Без Макара, без протокола, без записи в календаре. В ту же минуту, когда в серверной зафиксирован вход без ключа. У меня нет вашего алиби, Илья Юрьевич. У совета его тоже нет.

Артемьева подняла голову от блокнота.

— Это противоречит вашим показаниям совету от позапрошлой пятницы, — сказала она. — Тогда вы заявили, что находились в офисе весь день.

— Я оговорился, — ответил Илья.

— Дважды, — сказала я. — И каждый раз по-разному.

Макар не вмешивался. Он сидел во главе стола, и я чувствовала его взгляд на своих пальцах, но не оборачивалась. Это была моя работа, и он впервые не пытался ее забрать.

Я достала из бокового кармана зип-пакет с кофейным стаканчиком и положила перед Ильей.

— Это ваш стаканчик. Найден охранником Сергеем у двери серверной в четверг вечером. На нем ваш инициал, нарисованный маркером. Сомов обедал с вами за счет компании. Громов обедал с Анной за счет компании. Три человека, три оплаченных компанией встречи, ни одна не вписана в календарь. Это не совпадение, это система.

Илья побледнел по-настоящему, до синевы у губ.

— Вы не имеете права, — сказал он.

— Я имею право предъявить факты совету. Что с ними делать, решаете не вы и не я.

Артемьева закрыла блокнот и положила на него ладонь.

— Илья Юрьевич, вы отстранены от работы с финансовым сегментом до пятницы. Ключ остается у независимого аудитора. Все ваши встречи за последние две недели должны быть внесены в календарь с подтверждающими документами до завтрашнего утра.

— Это невозможно, — сказал Илья. — Громов ждет ответ сегодня.

— Громов подождет. Он инвестор, а не прокурор. Если ему нужна компания без дыр, пусть поможет их закрыть.

Илья встал. Стул скрипнул по паркету.

— Вы пожалеете, — сказал он мне в дверях.

— Возможно. Но сначала посчитает совет.

Дверь за ним закрылась. Артемьева собирала блокнот в кожаную папку, и я слышала, как тихо шуршат страницы.

— В пятницу жду документ с подписью аудитора, — сказала она. — И показания Анны Беловой. Ее имя появилось в выгрузке дважды.

— Получите.

Она вышла, и я выдохнула. Руки дрожали, и я спрятала их под стол. Макар подвинул ко мне стакан воды, простой, бумажный, из автомата.

— Выпейте.

Я взяла. Вода была теплая и пахла пластиком.

— Зачем вы привели Громова?

— Потому что он пришел сам. И я хотел, чтобы вы видели его вживую, а не по отчетам.

Я вышла из переговорки, не дожидаясь, пока Макар закроет за мной дверь. В коридоре пахло кофе из автомата и остывшим ламинатом. Левая рука гудела там, где я слишком крепко держала блокнот Полякова, и я разжала пальцы, пока никто не видел. Саднило. Честная цена за утро.

Я достала телефон и набрала Софью. Три гудка, потом тихое «слушаю».

— Мне нужен доступ к служебным расходам за последние десять дней. По Анне Беловой и по Илье. С копиями чеков.

— Виктория Сергеевна, это закрытый сегмент.

— Я кризис-менеджер с правом вето. Совет утвердил это вчера. Если сомневаетесь, спросите у Макара, он в двух шагах от меня.

Тишина. Потом короткий щелчок клавиатуры.

— Пришлю на вашу рабочую почту в течение часа.

— В течение тридцати минут. Илья сейчас в коридоре, он позвонит вам первый.

Она повесила трубку. Я убрала телефон и пошла к лифту. Нужно было попасть на восьмой этаж, пока там нет Ильи. У меня в саквояже лежала запечатанная коробочка Софьи с флешкой, и я хотела снять с нее независимую копию, прежде чем совет соберется снова.

Двери лифта открылись, и я увидела Анну. Она стояла у стены с планшетом и выглядела так, будто ждала меня лично. На ней было серое платье, закрытое до горла, и помада того же оттенка, что след на лацкане Макара утром.

— Виктория, можно тебя на минуту?

Я остановилась. Не потому что хотела, а потому что отказ выглядел бы как слабость.

— Слушаю.

Она опустила голос, будто между нами была общая тайна, а не выгрузка корпоративной карты.

— Я знаю, что ты думаешь про мой обед с Громовым. Это рабочий ланч. Он инвестор, мы обсуждали имидж после вирусного ролика. Ничего личного.

— Тогда тебе нечего объяснять совету.

Она сжала планшет. На тыльной стороне ладони у нее была маленькая родинка, которую я раньше не замечала.

— Макар не понимает, во что ты его втягиваешь. Он думает, что это игра. А это уже не игра.

— Для тебя тоже. Особенно если совет увидит, на какие счета уходили деньги компании.

Она отступила. Я вошла в лифт, нажала восьмой и смотрела на ее отражение в металлической двери, пока они не закрылись. Ее отражение дрожало.

На восьмом этаже было тихо. Я прошла к кабинету Софьи, достала из саквояжа коробочку с флешкой, вскрыла пломбу тонким стилусом и сняла копию на свой ноутбук. Оригинал положила обратно, запечатала новой пломбой из пакета, который всегда вожу с собой, и поставила время на стикере. Часы показывали одиннадцать двадцать три.

Телефон в сумке завибрировал. Макар.

— Где вы?

— На восьмом. Снимаю копию с флешки Софьи.

— Я сейчас поднимусь.

— Не нужно. Я спущусь через десять минут. Мне нужен независимый аудитор в комнате, когда я буду показывать совету эту копию.

Он замолчал. Я слышала, как он дышит, и это было странно интимно для служебного звонка.

— Хорошо, я вызову Артемьеву.

— Уже вызвала.

Я повесила трубку, убрала ноутбук в сумку, проверила пломбу на коробочке и пошла к лифту. В коридоре снова пахло кофе. Автомат зашумел, выплевывая стаканчик, и я поняла, что не пила с утра. Но времени не было. Илья был где-то рядом, и у меня в саквояже лежала единственная вещь, которую совет не сможет подменить.

У лифта меня ждал Макар. Он стоял, привалившись к стене, и смотрел на телефон. У него были красные глаза и усталые складки у рта, которых я раньше не замечала. Он выглядел как человек, который впервые за долгое время не знал, что делать дальше, и не пытался это скрыть. Это было честнее, чем все его контракты вместе взятые.

— Предупреждать заранее тоже полезно, — сказала я.

Макар спустился в столовую ровно через минуту. Я не оборачивалась, но услышала его шаг по линолеуму, тяжелый, неровный. Он сел на стул у стены, как я указала, и положил руки на колени. Я разложила перед ним марлю, антисептик и пинцет.

— Двигайся ближе.

Он подвинул стул, не сводя с меня взгляда. Я взяла его правую руку, перевернула ладонью вверх. На костяшках белела свежая ссадина, содранная кожа вокруг, запекшаяся кровь. Видимо, ударил кулаком о стену после ссоры с Ильей. Я знала, как выглядит такая рана после удара о штукатурку.

— Больно? — спросила я не из жалости, а чтобы оценить глубину.

— Терпимо, — ответил он и отвернулся к окну.

Я промокнула ссадину марлей с антисептиком. Он не дернулся. Только сжал челюсть и продолжил смотреть на улицу. Анна Белова у окна приподняла бровь, делая вид, что изучает папку, но я поймала направление ее взгляда. Она смотрела на наши руки.

Я перебинтовала рану быстро, без лишних движений. Бинт лежал ровно, повязка держалась без узла. Макар посмотрел на свою руку, потом на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то, чего я не ожидала. Благодарность. Чистая, без примеси делового расчета.

— Спасибо, — сказал он тихо.

— Не за что, — ответила я. — В следующий раз бей подушку.

Он не улыбнулся, но складки у рта разгладились. Я убрала антисептик в аптечку и заметила, как Софья замерла у дверного проема. Она смотрела на нашу перевязанную руку и бинты на столе так, словно увидела нечто запретное. Потом отступила на шаг, развернулась и ушла,

не сказав ни слова. Я не стала окликать. У Софьи были свои способы передавать новости, и я не хотела знать, кому она позвонит первой.

Я сложила инструменты в жестяной лоток и понесла его к раковине. Макар встал следом, забрал у меня лоток и сам поставил его на сушилку. Его пальцы задели мои. Я не отдернула руку, но и не задержала. Это было не прикосновение, а просто соседство двух ладоней над мокрой жестью. Он выпрямился, и между нами осталось расстояние вытянутой руки.

— Ты знаешь, что Илья звонил Громову в обед? — спросил он.

Я выключила воду и повернулась к нему.

— Нет. Когда?

— В тринадцать двадцать, через городской, не через корпоративный. Софья видела входящий на коммутаторе.

Я вытерла руки о полотенце, которое висело на крючке, и прислонилась к стене у раковины. Пятно краски за моей спиной было холодным даже через блузку. Если Илья звонил Громову через городской, значит, он знал, что корпоративные линии прослушиваются. Или догадывался. Это меняло расклад.

— Ты уверен?

— Софья записала номер и длительность. Четыре минуты.

Я кивнула. Четыре минуты это не светский звонок. Это договоренность. Я достала телефон и сфотографировала запись в блокноте, который Макар положил на край стола, не показывая никому. Номер, время, пометка Софьи. Доказательство, которое я могу приобщить к делу.

— Зачем ты мне это говоришь?

Макар смотрел на меня, и впервые за три месяца я не видела в его глазах привычного расчета. Там была усталость и что-то вроде признания собственной ошибки.

— Потому что я обещал не решать за тебя. А это твоя работа, не моя.

Я убрала телефон в карман и прошла мимо него к двери. Он не попытался меня остановить. У лифта пахло остывшим кофе, автомат снова зашумел, но я не стала наливать. В голове крутилась цифра четыре минуты и то, как Макар стоял у сушилки, не пытаясь сократить дистанцию.

Лифт пришел сразу, двери открылись. Я нажала седьмой этаж, где сидел отдел кадров. Мне нужна была копия распорядка обедов Ильи за последние две недели. Если он выходил из офиса в обеденный перерыв, когда звонил Громову, значит, это была его личная инициатива, а не рабочий контакт. Начальник отдела кадров встретил меня настороженно, но распечатку дал. Три выхода за две недели, два из них совпадали по времени с переговорами в совете. Третий был сегодня.

Я вернулась на восьмой этаж и заперлась в переговорке номер три. Свет горел ровно, за окном начинало темнеть. Я разложила перед собой блокнот Софьи с записью звонка и распечатку кадров. Три листа, три независимых куска информации. Если показать их вместе, совет увидит картину, которую ни Илья, ни Громов не смогут объяснить.

В дверь постучали. Я подняла глаза от блокнота.

— Открыто.

Вошла Софья. Она несла жестяной поднос с двумя чашками. Чай с мятой и липой, как она приносила утром. Она поставила чашки на край стола, подальше от документов, и посмотрела на мои листы.

— Вы знаете, что я записала, — сказала она тихо. — Я не хотела вмешиваться. Но если вам это нужно для дела, я подпишу объяснение.

Я посмотрела на нее. Софья была бледнее обычного, руки чуть дрожали. Она боялась. Не меня, а последствий, которые придут, когда Илья узнает, что именно она зафиксировала его звонок.

— Спасибо, — сказала я. — Я позову тебя, когда буду готова оформить показания.

Она кивнула и вышла, оставив чай. Я взяла чашку, подула на мяту и сделала глоток. Горячий, с привкусом липы, без сахара. Софья запомнила, как я пью.

Я вернулась к документам. Блокнот Софьи, распечатка кадров, и третий лист, который я достала из саквояжа. Копия журнала доступа, где пустая строка за четверг четырнадцать тридцать семь ждала своего часа. Три независимых куска правды. Я могла выложить их на стол совета и ждать вопросов.

Телефон в кармане завибрировал. Сообщение от Макара. Без текста, только фотография. Его правая рука на колене, повязка белеет в полутьме кабинета. Подпись: учусь.

Я убрала телефон, не ответив. За окном темнело, в переговорке горел свет, и передо мной лежали три листа, которые могли изменить все.

— Учусь, — ответил он.

Лифт пришел, двери открылись. Я шагнула внутрь и нажала кнопку первого этажа. Макар не двинулся с места. Он смотрел на меня так, будто хотел сказать что-то важное, но не решался. Двери начали закрываться. Я перехватила взглядом его руку, лежащую на кнопке вызова, и на мгновение подумала, что он поедет со мной. Он не поехал. Рука осталась на кнопке, двери закрылись, и я поехала вниз одна.

В сумке лежали три независимых куска правды. Впереди был совет, который захочет знать, почему я не поделилась ими раньше. А позади, на восьмом этаже, оставался Макар, который впервые не пытался забрать мою работу, но все еще не умел попросить.

Глава 5. Первый общий ужин

Ключ застрял в замке ровно на полоборота. Я вытащила его, посмотрела на бороздку, дунула в нее, как дышат в замерзший замок, и снова вставила. Ригель не двигался. На дверной ручке висела бирка прежнего сотрудника с чужой фамилией, которую никто не снял после перестановок, и я положила ключ в карман, чтобы не таскать за собой чужое имя.

Я достала из саквояжа отвертку из набора для разъемов, прижала колено к двери, чтобы не ходила, и за пять минут сняла ручку. Внутри обнаружилась согнутая пружина и кусок пластика, забытый кем-то при монтаже. Серверная открылась с тихим щелчком, как будто ждала, когда я перестану стучать кулаком по ручке. Я вошла, задвинула за собой щеколду и вдохнула холодный запах работающих блоков, пыли на фильтрах и чужого парфюма, слишком сладкого для технического помещения.

Я подошла к стойке, где вчера фотографировала журнал. Положила на стол саквояж, достала запечатанную коробочку с флешкой Софьи, поставила рядом зип-пакет со стаканчиком Анны и блокнот охранника Сергея Полякова. Три независимых куса, которые до пятницы должны остаться моими. Коробочку я убрала обратно в боковой карман саквояжа, застегнула молнию и проверила язычок.

Дверь за моей спиной качнулась. Я обернулась. В проеме стоял Макар. Без стука, как всегда. Рубашка без пиджака, верхняя пуговица расстегнута, под глазами серое. Он смотрел на меня так, будто хотел спросить сразу три вещи и не мог выбрать первую.

Ты вошла без меня, сказал он.

Ты пришел без звонка, ответила я. Это симметрично.

Он сделал шаг внутрь, посмотрел на снятую ручку, которую я положила на стол рядом с блокнотом Сергея. Ручка лежала отдельно, пружина отдельно, кусок пластика отдельно, как маленькая опись.

Ты разобрала дверь, сказал он.

Я починила замок. Теперь он открывается с первого раза, и это не требует ключа прежнего сотрудника, чью фамилию кто-то забыл снять с бирки.

Он подошел ближе. Пах одеколоном после бритья и кофе из автомата, который здесь готовили хуже, чем внизу. Я не сдвинулась.

Я должен был быть здесь, сказал он.

Ты знал, что я пошла чинить дверь?

Он замер на вдохе.

Нет, сказал он. Узнал, когда Денис сказал, что ты взяла инструменты.

Я кивнула и закрыла блокнот Сергея обложкой вверх. Мне не нужно было это прятать. Я хотела посмотреть, как он отреагирует.

Ты мог позвонить, сказала я.

Ты могла подождать, ответил он.

Мы стояли в полутора шагах друг от друга. Свет стойки бил ему в скулу, и я впервые заметила, что у него седая прядь у виска, которую он обычно закрывал челкой. Он не прятал голову, но не пытался убрать ее рукой.

Ты слышала про Анну, сказал он.

Я слышала, что Анна заходила в серверную с папкой, на которой желтый стикер Ильи, ответила я. Слышала, что она была в переговорке номер три во время эфира, хотя в графике ее не было.

Он сжал челюсть. Его ладонь легла на стойку рядом с моей, не касаясь.

Это не про сейчас, сказал он. Это про нас.

У нас нет сейчас, сказала я. У нас контракт на три месяца, два с половиной из которых осталось, и аудит, который должен закончиться в пятницу. Если ты хочешь обсуждать Анну, давай в переговорке, с протоколом и при свидетелях.

Он усмехнулся коротко и без удовольствия.

Ты считаешь, что я ей звонил, сказал он.

Я считаю, что на твоём лацкане вчера была помада, которую я не ношу, ответила я. Это не обвинение, это наблюдение.

Он опустил голову. Я заметила, как у него дернулась жилка на виске. Он не стал объяснять. Это было хуже, чем объяснение.

Я протянула ему блокнот Сергея. Он взял, не открывая.

Сергей Поляков, сказала я. Охранник, которого Илья вызвал в обход графика. Денис отправил его в выходной за свой счет, и это спасло его от очереди в коридоре у Ильи. Он готов дать показания совету в пятницу.

Макар посмотрел на блокнот, потом на меня.

Ты делаешь мою работу, сказал он.

Я делаю свою, ответила я. Твоя сейчас ждать.

Он поставил блокнот обратно на стол и убрал руку. Между нами снова стало холодно от стойки. В коридоре за дверью слышались шаги Софьи, легкие, как всегда, и я поняла, что время заканчивается.

Я открою переговорку номер три через десять минут, сказала я. Если хочешь быть свидетелем при вскрытии флешки Софьи, приходи туда.

Он кивнул и вышел, не дожидаясь, пока я снова возьмусь за дверь. Я закрыла щеколду, подобрала пружину и кусок пластика, положила их в зип-пакет и подписала его маркером. Бирку с чужой фамилией сняла с ручки и убрала в карман. Ручку повесила обратно.

Я подняла саквояж, почувствовала его тяжесть и пошла к лифту, потому что в переговорке номер три меня ждал независимый носитель и человек, которого я звала свидетелем, а не союзником.

В переговорке номер три было прохладно и пусто. Я поставила саквояж на стол, проверила заряд ноутбука и выложила на край независимый носитель. За стеной гудел проектор, который никто не выключил после эфира. Я открыла жалюзи, чтобы видеть коридор, и оставила дверь приоткрытой ровно на ладонь.

Софья появилась первой, в руках у нее была папка с графиком уборки и блокнот с распечатанным протоколом совета. Она поздоровалась кивком, поставила на стол переносной кулер с водой и заняла место у стены, как человек, который пришел не спорить, а фиксировать. Я кивнула в ответ, проверила, что в коридоре никого, и прикрыла дверь плотнее.

Без пяти минут двенадцать пришел Денис. Он положил на стол мятый стаканчик из автомата, от которого пахло горелым зерном, и сел напротив меня. Между нами остался стол, блокнот Софьи и папка с графиком. Я знала, что он пришел не за кофе, а чтобы сказать что-то, что не помещается в мессенджере.

Громов не выходил из переговорки два, сказал он тихо. Сидел там до десяти, я проверял. После его ухода Илья вернулся в свой кабинет, закрыл дверь и не выходил до конца рабочего дня. В семь он спустился на парковку вместе с Громовым. Охрана зафиксировала, что оба сели в одну машину.

Я не подняла головы от стола.

Это новое, сказала я.

Это новое, подтвердил он. У Громова на нашей парковке служебная машина с водителем. Он никогда раньше не уезжал с кем-то из сотрудников.

Я сделала пометку в блокноте Софьи, поставила время и подчеркнула слово парковка двумя чертами. Если Илья сел в машину к Громову после того, как совет перенес голосование

по кандидатуре инвестора, это либо сговор, либо паника, либо проверка, которую намеренно оставили свидетелям. Третий вариант мне не нравился больше всего.

Кто был за рулем, спросила я.

Шофер Громова, ответил Денис. Но машину вызвал Илья через приложение корпоративного такси, марку и номер я тебе скину.

Я кивнула и записала. Софья подвинула мне чистый лист, я оторвала его, положила в зип-пакет и подписала маркером. Внутри пакета у меня уже лежали пружина и кусок пластика из серверной. Теперь там появился лист с пометкой о парковке. Я не собиралась отдавать его ни Денису, ни Макару, пока не придет время.

Спасибо, сказала я Денису.

Он допил кофе и вышел, не дожидаясь благодарности. Софья посмотрела на меня поверх блокнота. В ее взгляде было то самое спокойствие, которое я ценила больше, чем любую поддержку.

Виктория, сказала она. Макар идет.

Я слышала его шаги по коридору за минуту до того, как она это произнесла. Он вошел без стука, как всегда, и на этот раз я не стала делать ему замечание. Он сел на край стола, потому что стул рядом с Софьей был занят коробкой с водой, и посмотрел на зип-пакет в моей руке.

Что нового, спросил он.

Илья и Громов уехали с парковки вместе, ответила я. Это после того, как совет перенес голосование по кандидатуре Громова в совет. Это новое.

Он не стал спрашивать откуда. Он знал, что Денис приходит ко мне раньше, чем к нему, и впервые не сделал мне за это замечание.

Что ты хочешь делать, спросил он.

Я хочу, чтобы завтра утром у меня на столе лежал маршрутный лист машины Громова за вчерашний вечер, сказала я. И копия вызова из приложения корпоративного такси с подтверждением Ильи. Если Илья вызвал машину для Громова, это его подпись в системе, и ее не вырвать.

Он кивнул.

Сделаю, сказал он.

Я положила зип-пакет обратно в саквояж и застегнула молнию. В переговорке стало тихо, только гудел проектор и капала вода в кулере. Я посмотрела на Софью. Она записывала каждое слово в блокнот, не поднимая глаз.

Нам нужно зафиксировать, что вскрытие флешки переносится на завтра, сказала я. Я хочу, чтобы в момент вскрытия в переговорке были я, независимый аудитор, Артемьева и ты, Макар. Софья ведет протокол. Если кто-то из совета захочет присутствовать, пусть подаст заявку через канцелярию и подпишет обязательство о неразглашении.

Макар не стал спорить. Он встал с края стола, одернул рубашку и посмотрел на меня так, будто хотел сказать что-то личное, но не мог при Софье. У двери он остановился.

Спасибо, сказал он.

За что, спросила я.

За то, что не дала мне решать за тебя, ответил он и вышел.

Софья закрыла блокнот, посмотрела на меня и впервые за день позволила себе короткую улыбку. Потом она собрала бумаги и ушла. Я осталась одна, открыла ноутбук и проверила почту. От Громова пришло письмо с просьбой подтвердить завтрашнюю встречу в совете. Я перечитала его дважды и заметила, что в копии стоит адрес Ильи Воронцова. Я не стала отвечать. Вместо этого я набрала номер Дениса и коротко сказала:

Завтра в десять утра встреча у меня. Приведешь Сергея Полякова через черный ход. И проверь, кто из охраны дежурит утром на парковке. Мне нужны их фамилии.

Он повесил трубку, не переспрашивая. Я закрыла ноутбук, выключила кулер и оставила переговорку. В коридоре у лифта пахло чужими духами, и я поняла, что Анна была здесь минутой раньше. Я зашла в лифт, нажала кнопку первого этажа и впервые за день позволила себе опереться о стенку кабины. Лифт дернулся вниз, и я подумала, что завтра у меня будет три независимых свидетеля, маршрутный лист и письмо Громова с копией Илье. На сегодня этого было достаточно.

Дождь за окном переговорки стучал мелко и ровно, как будто кто-то ронял на стекло мелкие монеты. Я закрыла ноутбук, убрала в саквояж блокнот Софьи и независимый носитель, застегнула молнию и осталась сидеть, прислушиваясь к шагам в коридоре. Хотелось одного: дойти до парковки, сесть в машину и не думать до утра. Но когда я потянулась к ручке двери, она открылась раньше, чем я успела встать.

Макар стоял на пороге один, без Софьи и без Дениса. На нем была та же рубашка, что и на совете, только верхнюю пуговицу он расстегнул, и галстук он куда-то дел. На лацкане больше не было помады. Я заметила это раньше, чем успела себя остановить, и разозлилась, потому что не хотела замечать.

Я думал, ты уже ушла, сказал он.

Я собиралась, ответила я.

Он не отступил с порога. Он смотрел на мою руку, в которой я все еще держала ручку двери, и я не поняла, что он там увидел, пока не посмотрела сама. Косточки на моих пальцах побелели от того, как крепко я сжимала ручку. Я разжала пальцы и опустила руку.

Можно войти, спросил он.

Я отошла от двери. Он вошел, не включая свет, и в коридоре за его спиной стало пусто, как бывает пусто в офисе после того, как последний человек уходит к лифту. Дождь продолжал стучать, и между его ударами я слышала его дыхание. Он остановился у стола, положил на него маленький прозрачный пакет с молнией, внутри которого лежала серебряная флешка без опознавательных знаков.

Это Илье, сказал он. Я нашел у него в столе, когда он уехал с Грозовым.

Я посмотрела на пакет, не прикасаясь. Маленькая, женская, явно не корпоративная. На молнии остался рыжий волос, очень похожий на тот, что я видела утром на коврике мыши в серверной. Я молча достала из саквояжа зип-пакет со своей находкой и положила рядом. Два пакета легли в паре сантиметров друг от друга, и даже через пластик я видела, что волос на обеих флешках одного оттенка.

Ты понимаешь, что это значит, сказала я.

Что кто-то пользовался его столом, ответил он.

Что кто-то оставлял свои вещи у него в столе, и он об этом знал, сказала я.

Он не стал спорить. Он смотрел на пакеты так, будто впервые видел, как улики ложатся рядом и между ними появляется линия, которую нельзя разорвать. Я открыла саквояж, достала телефон и сфотографировала оба пакета вместе, с его разрешения и без. Он кивнул, я нажала на кнопку.

Макар, сказала я, и мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала. Мне нужно, чтобы завтра в десять утра в переговорке номер три были я, независимый аудитор, Артемьева и ты. Софья ведет протокол.

Он кивнул. Я ждала, что он скажет что-то вроде я решу иначе или я поговорю с Артемьевой. Он молчал.

Спасибо, сказал он.

За что, спросила я.

За то, что не дала мне решать за тебя, ответил он.

Я не успела ответить. Он шагнул ближе, остановился на расстоянии вытянутой руки и протянул мне не пакет с флешкой, а свою визитку, на обратной стороне которой кто-то шар-

ковой ручкой написал время и номер машины Громова. Я взяла визитку, наши пальцы соприкоснулись, и я почувствовала, как у него холодные руки. Он убрал ладонь не сразу, задержал на секунду, и я отдернула руку первой.

Это от Дениса, сказал он. Я попросил его подстраховаться.

Я посмотрела на визитку и поняла, что он впервые не попытался сделать вид, что знал больше меня. Он попросил. Я положила визитку в саквояж поверх пакетов, застегнула молнию и взяла саквояж со стола.

Мне пора, сказала я. Утром я жду тебя в десять.

Он кивнул, отступил и пропустил меня к двери. Я прошла мимо него, и запах его парфюма смешался с запахом мокрого плаща, который я не заметила на вешалке у двери. У лифта я остановилась, потому что поняла, что не знаю, ехал ли он со мной в одном лифте на восьмом этаже сегодня утром и была ли Анна в переговорке в тот момент, когда я с Софьей обсуждала завтрашний день. Я нажала кнопку вызова и не обернулась, пока двери не закрылись между нами.

В машине я сняла саквояж с плеча, положила его на пассажирское сиденье и посмотрела на часы. Без десяти восемь. У меня в саквояже лежали независимая копия флешки Софьи, блокнот Сергея, пакет с двумя серебряными флешками и визитка Макара. Завтра я буду знать, чей это волос.

Я доехала до дома за двадцать три минуты и это был первый раз за день, когда в машине никто не звонил. На светофоре у Политехнической я переложила саквояж с пассажирского сиденья на колени, чтобы в случае чего выйти из машины вместе с уликами, а не оставить их в бардачке. Дождь усилился, дворники стучали быстрее, и я впервые подумала, что мне нужно не только три дня аудита, но и второй комплект ключей от собственной квартиры, потому что Лев мог забыть запереть дверь.

Лев не забыл. На кухне горел свет, на столе стояла закрытая кастрюля с супом и записка «не трогай, я разогрею», написанная его круглым почерком. Я поставила саквояж на стул, не снимая куртки, и прошла в ванную. Там, в пластиковом стаканчике рядом с зубной щеткой, лежал рыжий волос, вытасканный мной утром из петли на молнии пакета с флешкой. Я положила его обратно в зип-пакет и заклеила край скотчем, чтобы волос не выпал в дороге. Завтра я отдам его вместе с пакетом Макара независимому лабораторному аналитику, которого порекомендовал Денис, и получу письменное заключение, которое нельзя будет оспорить в совете.

Я вернулась на кухню, сняла саквояж со стула и переложила его содержимое на стол. Два зип-пакета легли рядом. Блокнот Сергея. Независимая копия флешки Софьи в запечатанной коробочке. Визитка Макара с номером машины Громова, написанным шариковой ручкой. Я достала телефон, сфотографировала каждый предмет отдельно и общий вид стола, переслала снимки на рабочую почту с пометкой «архив 18.04», а потом открыла заметки и записала: «завтра до десяти: образец волоса в лабораторию, копия ключа Ильи к аудитору, встреча с Макаром и Артемьевой, протокол Софьи, черный ход для Сергея, охрана парковки пофамильно».

Лев заглянул на кухню в майке и шортах, с наушником в одном ухе. Он посмотрел на стол, на пакеты, на мою куртку, которую я так и не сняла, и сказал:

Опять не спала.

Я разогреваю суп, сказала я. Иди ложись.

Он не ушел. Он подошел ближе, посмотрел на визитку Макара и спросил тихо:

Это тот, с кем ты по телевизору?

Я кивнула. Он помолчал, потом сказал:

У тебя руки холодные.

Я посмотрела на свои пальцы. Они действительно были холодными. Я согрела их о кружку, в которую налила воды из фильтра, и сделала глоток. Лев стоял в дверях и ждал. Он

никогда не уходил, пока я не скажу ему, что он свободен, и это была его старая привычка, которую он привез из интерната и от которой я не могла его отучить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.